

Елена
АРСЕНЬЕВА

Проклятие ИТАЛЬЯНСКОГО браслета

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Елена Арсеньева
Проклятие
итальянского браслета
Серия «Писательница
Алена Дмитриева»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2455185
Проклятие итальянского браслета: Эксмо; М.; 2011
ISBN 978-5-699-52440-2

Аннотация

Писательница Алена Дмитриева купила дивный итальянский браслет – с агатами, халцедонами и редким кварцем. По поверью, такой кварц приносит своей владелице любовь и удачу... Вместо этого браслет повел себя самым неожиданным образом: сначала он уменьшился в размерах, а потом центральный камень изменил свою форму! Тогда-то у Алены и наступила черная полоса – молодой бойфренд стал подозрительно равнодушным, вдохновение ее покинуло, и вообще вокруг начало происходить слишком много странного... Решив разгадать тайну украшения, Алена отправилась к ювелиру, чинившему браслет сразу после покупки. И узнала: мастер бесследно исчез вскоре после ее визита!

Содержание

Наши дни	4
Дела давно минувших дней	15
Наши дни	19
Дела давно минувших дней	25
Наши дни	32
Дела давно минувших дней	42
Наши дни	47
Дела давно минувших дней	58
Наши дни	67
Дела давно минувших дней	73
Наши дни	77
Дела давно минувших дней	84
Наши дни	91
Дела давно минувших дней	109
Наши дни	115
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Елена Арсеньева

Проклятие итальянского браслета

*Я не представляю себе, кто мог это сделать.
Представить я, конечно, могу... Я все могу
представить. В этом для вас вся трудность. Я
могу представить хоть эту минуту. Все мои версии
прозвучали бы вполне убедительно, и тем не менее
все они были бы неверны.
Агата Кристи*

Наши дни

Вообще начиналось все совершенно мистически, но при этом – в сплошной лихорадке буден. В один прекрасный день, куда-то там собираясь, не суть важно куда, писательница Алёна Дмитриева открыла шкатулку, выбирая браслет, который подходил бы к ее новым серьгам, сочла, что лучше недавно купленного итальянского не найти, вынула его, начала застегивать, да внезапно обнаружила, что ничего не получается. Браслет не застегивался.

При этом застежка, состоявшая из палочки и колечка, в которое палочке следовало просунуться, была вовсе даже не

сломана. Браслет не застегивался потому, что с трудом обхватывал Алёнино запястье. Уж она и так его и этак натягивала и перемещала – ну никак! В конце концов удалось-таки застегнуть, всунув палочку в петельку, но браслет захватил запястье плотно, алчно, можно сказать, словно оно в одночасье непоправимо растолстело.

А ведь это совсем даже не так! Ни запястье, ни обладательница его в весе не прибавили ни на грамм (не убавили, к сожалению, тоже, но это уже совсем другая история).

Алёна смотрела на браслет и ничего не понимала. Совсем недавно все было нормально. Он свободно застегивался, а главное, симпатично так болтался и вовсе даже не сковывал, словно наручники или кандалы! То есть сначала, после покупки, он был именно таким – тесноватым, даже весьма. И, конечно, дама, которая терпеть не может никаких оков, ни моральных, ни физических, как Алёна Дмитриева, его ни за что не купила бы. Но он был так красив! Латунные овалы, обрамленные стразами, крошками белого агата и маленькими осколочками халцедона, какие-то причудливые штуковины вроде плоской такой короны, малехонькой и изящной – совершенно для королевы фей! – а главное, в одном из овалов была довольно большая очаровательная вставка из кварца-волосатика, или, для знатоков, рутилового кварца...

Правда, сначала, покупая браслет, Алёна могла оценить этот камень только чисто обывательски: нравится – не нравится. Знатоком камней и минералов она отнюдь не была –

ну, конечно, жемчуг от янтаря отличила бы и, может, при известном напряжении, белый агат от черного – тоже, но вообще в экспертизы ее не взяли бы. Она совсем не разбиралась в каратах, твердости, тугоплавкости и прочих таких специальных штуках. Зато могла вам рассказать множество мифов-сказок-баек о камнях, поведать, например, об оживляющих свойствах камня Лигурия: вообразите, некие мореплаватели, отправившись в дальний путь, запаслись битой и хорошо просоленной птицей, однако вышло так, что в кармане у какого-то моряка завалялся лигурий, и вот в один потрясающий миг солонина вся ожила, выпорхнула из бочек, сделала прощальный круг над кораблем, помахивая ошипанными крыльями, а потом, выстроившись клином, потянула на юг... а может, и на север, на запад или на восток, об этом история умалчивает.

Однако давайте отвлечемся от мифологии и вернемся к реальности. Алёна купила браслет, потому что он ей просто до дрожи понравился, и напрямик из магазина направилась к ювелиру, благо в двух кварталах от ее дома открылась небольшая мастерская.

– Вообще мы только по золоту работаем, – сказал стоявший за прилавком парень. Во лбу у него смешно торчала небольшая черная лупа, какие обычно носят в глазу часовщики. Лупа была привязана к шнурку и вздета на голову – наверное, чтобы не мешала. – По серебру, по платине. И по камушкам драгоценненьким. А это чистая латунь.

– Ой, ну пожалуйста, помогите! – взмолилась Алёна Дмитриева, подпуская в свой милый голосок вовсе уж чарующие, этакие шелковисто-бархатистые нотки. – До чего красивый браслет, а застегивать – сущая мука. Можно ведь какое-нибудь колечко припаять, чтобы он стал посвободней. Неважно какое, медное, железное...

– Ну, не говорите пошлостей, – поморщился ювелир. – Медь, железо... тут нужна благородная латунь. Браслет и в самом деле красивый. Из Италии привезли, что ли?

– Из Италии, но не я, – усмехнулась Алёна. – Я в «Клеопатре» купила. Около площади Горького.

– В «Клеопатре»? – повторил ювелир. – Знаю такой магазинчик. Да, классный браслет. Да он еще и с волосатиком... – И он взглянул на Алёну не просто как на докучливую клиентку, а вроде бы даже с некоторым уважением.

– Вот именно, – проговорила Алёна, словно слышала это слово не впервые в жизни. – Возьмете колечко приделать? А? Ну пожа-а-алуйста!

Ювелир задумчиво подергал лупу на лбу, словно решал, вставить ее в глаз или погодить. И начал разглядывать клиентку.

Да ты хоть с лупой на Алёну Дмитриеву посмотри, хоть без лупы – двух мнений быть не может! Красавица! Рост – модельный, фигура – зашибись, прекрасно одета, глаза неотразимые, голос такой задушевный... Какой мужчина устоит? Вот и этот не устоял. Причем, конечно, он прекрасно по-

нимал, что рядом с такой феминной ему делать совершенно нечего, а все же захотелось, чтобы эти глаза, не то серые, не то голубые, не то зеленые, посмотрели с восхищением, чтобы губы надменные улыбнулись ему благодарно...

— Ну что с вами делать, — сказал ювелир. — Пятьсот рублей — это вам как, по карману будет? Работа тонкая...

Глаза посмотрели, губы улыбнулись, все чин чинарем.

Ювелир вовсе растаял:

— Готово будет через полчаса. Можете здесь подождать.

— Спасибо огромное! — выдохнула Алёна и принялась разглядывать крохотную мастерскую. Здесь не было ничего, кроме прилавка, за которым виднелась приоткрытая дверь. Наверное, там была собственно мастерская, а также приватные помещения. У самой двери вешалка, на ней мужская куртка. На эту куртку Алёна поглядела мельком, потом пристальней, а потом уставилась, как на некое диво дивное, чудо чудное. Собственно, ничего особенного, обычная черная куртка из плащовки с утеплителем, но на этой черной плащовке на курточной спине была нарисована какая-то яйцеобразная штука, причем она так и сверкала — краски ну очень яркие! — да еще была обшита по контуру золотым шнуром, напоминающим аксельбант. Причем видно было, что это не фабричная работа, а хозяин сам нарисовал, сам шнуром обшил. От куртки отчетливо пахло скипидаром.

— Вам, наверное, скучно? — раздался голос ювелира. — Вот, возьмите что-нибудь почитать. — Он положил на прилавок

кипу журналов. – И вот это очень интересно – книжка о камнях. И садитесь, садитесь!

Он принес и стул.

– Спасибо, – разулыбалась Алёна. – А я на вашу куртку засмотрелась. Это эмблема цеха ювелиров? «Яйцо» Фаберже? Все эти яркие точки должны, наверное, означать драгоценные камни?

Ювелир поглядел на нее озадаченно, даже, можно сказать, ошеломленно, потом перевел взгляд на куртку – и махнул рукой, засмеялся:

– А, вот вы о чем! А я в толк не возьму... Это не моя куртка, это братишка мой балуется. Он мифологией увлекается, ну и нарисовал какой-то символ.

– Славянской мифологией? – обрадовалась Алёна. – Я тоже ею занималась, и даже очень плотно!

Она чуть не сказала, что вместе с бывшим мужем, Михаилом Ярушкиным (да-да, некогда наша фривольная героиня была замужем, звалась Еленой Ярушкиной, ну а потом как-то сама собой переквалифицировалась в писательницу-детективщицу Алёну Дмитриеву), даже составила в оны годы грандиозную энциклопедию славянской мифологии, которая была издана с умопомрачительными картинками, однако сочла, что это будет неуместно. Вот если ювелир спросит...

Но он не спросил, только сказал:

– Да всякой. Славянской, античной, еще северной ка-

кой-то, нибелунги там, викинги... по-моему, у него все в одну кучу свалено, язычник он, короче. Слышали, может: в развалинах Куйбышевской водоканалы язычники тусуются? Ну так он из них. А я вчера свою куртку прожег нечаянно, отнес в ателье заштоковать, ну и надел братову, пока он спал.

– А брат проснется – в чем пойдет тусоваться? – хихикнула Алёна.

– У него другая есть, – успокоил ювелир и снова ушел за дверь.

Алёна еще немножко полюбовалась на эмблему, на тщательность работы и вспомнила, как в былые годы – очень-очень молодые! – когда жила у тетушки на Дальнем Востоке, в городе Ха, и недолго училась в Педагогическом университете, ездила со студенческим путинным отрядом на остров Шикотан, на Курилы. Это было эпохальное морское путешествие в красивейшее место в мире. И вот там у студентов считалось высшим шиком самостоятельно нарисовать что-нибудь на своей зеленой стройотрядовской куртке. Алёна изобразила серебристую рыбку (их отряд работал на заводе, где консервировали сайру) на фоне синего моря, зеленых сопков и золотого солнца. Еще где-то там маячил кораблик под алыми парусами (отряд назывался «Каравелла»). Куртка после окончания художественных работ изрядно отяжелела от краски и устойчиво пахла скипидаром, зато красотища вышла невероятная.

Алёна немножко поностальгировала, вспоминая былое,

потом все же села на стул и взялась за «книжку о камнях».

Разумеется, первым делом прочитала статью про волосатик. И вот что вычитала:

«Среди различных разновидностей обычной двуокиси кремния знатоки минералов особо выделяют прозрачные кристаллы кварца с тонковолокнистыми включениями, напоминающими волоски или тончайшие иголки. Это так называемый рутиловый кварц: кварц (кристаллический оксид кремния) с тонкими кристаллическими включениями других цветных минералов (обычно золотистого и/или черного цвета).

Минерал рутил обеспечивает прелестные золотистые включения и формирует почти самый дорогой камень из семейства кварцев (рутил, расположенный звездой, также увеличивает ценность рубина). Рутил (оксид титана TiO_2) встречается в виде призматических, столбчатых, игольчатых и волосовидных кристаллов с простыми формами. Характерны коленчатые двойники, тройники, сетчатые сростки двойников игольчатого рутила (сагенинты). Кристаллы нередко изогнуты. Толщина таких кристаллов варьирует от миллиметра до десятых долей миллиметра, а цвет может казаться золотистым, серебристым и даже зеленоватым».

Вот тебе и волосатик! Прелестные золотистые включения... Красиво написано!

Алёна читала дальше:

«Рутитовый кварц был известен людям уже много тысячелетий тому назад. Считается, что включения рутила увеличивают магические свойства кварца. Прямые игольчатые включения независимо от цвета называют стрелами Амура, а изогнутые и переплетенные включения – волосами Венеры. По другой трактовке, стрелы Амура – это черные включения, а волосы Венеры – золотистые. Есть еще одно мнение, что стрелы Амура – это толстые, а волосы Венеры – тонкие кристаллы. Единой трактовки не существует. Считается самым мощным приворотным средством (как подарок). Усиливает красоту, привлекательность, сексуальную энергию. Будит фантазию и вдохновение у творческих людей. Волосатик помогает в личных делах, ему всегда сопутствуют богатство и успех. Защищает от магии. Стрелы Амура стимулируют плотскую страсть, а волосы Венеры – более возвышенную духовную любовь. Считается, что кольца и кулоны с рутитовым кварцем замедляют процесс старения. Рутитовый кварц отгоняет тоску, грусть одиночества, наделяет своего владельца даром предвидения и позволяет предсказывать будущее. Мусульмане считают кварцы-волосатики с черными прямыми кристаллическими включениями священными камнями, называя их бородой Магомета. На Востоке этот камень считался драгоценнейшим и назывался Философским камнем Востока. Весьма ценили его и северные народы.

По легенде, богиня любви Венера, купаясь в горном источ-

нике, потеряла прядь своих чудесных золотых волос. Обнаружив пропажу, вернулась их забрать, но поскольку время на Олимпе течет гораздо медленнее земного (там прошло несколько мгновений, а на Земле месяцы), наступила зима, и вода замерзла вместе с волосами. Вначале Венера очень расстроилась. Но волосы в замерзшей воде выглядели так красиво, что богиня решила не забирать прядь, а чтобы никто не смог посягнуть на божественные локоны, превратила лед в прозрачный камень (по-гречески кристаллус – это лед). И с тех пор люди находят дикий хрусталь, хранящий волосы Венеры».

С ума сойти! Ну просто поэзия! И насчет творчества – в самую точку! Для прекрасной писательницы этот камень подходит идеально!

В мастерскую вошла молодая женщина в длинном черном пальто и маленькой шапочке, плотно охватывающей голову, и нетерпеливо постучала о прилавок.

– Минуточку! – крикнул мастер. – Ровно минуточку!

Он появился через две и вручил Алёне браслет, а потом выслушал ее благодарственные охи-вздохи. Правда, теперь на его лице было написано явное желание, чтобы восторженная дамочка со своим грошовым заказом поскорей ушла и оставила его наедине с новой клиенткой, которая, конечно же, пришла с заказом по золоту, или серебру, или платине, а может, по всем, вместе взятым, ну и с камушками драгоцененькими, само собой!

Алёна быстренько одарила ювелира улыбкой, простилась и ушла. Но первое, что она сделала, выйдя за дверь мастерской и надев на руку увеличенный – за счет вставленного между звеньями латунного колечка – браслет, это внимательно всмотрелась в камень. Налицо были и толстые («стрелы Амура»), и тонкие («волосы Венеры») кристаллы, причем самым причудливым образом переплетенные. «Бороды Магомета», правда, не имелось, да и Аллах с ней, с бородой, она тут, в компании античных божеств, согласитесь, совершенно неуместна.

С этой минуты Алёна не уставала ждать, когда же камень начнет проявлять свои волшебные свойства. Она еще сильнее полюбила очаровательный браслет, носила его практически постоянно, ну вот разве что с черными серьгами не надевала, и вот вдруг, после небольшого перерыва, такая странная история!

Если бы это была носильная вещь, можно было бы сказать, что она села после неосторожной стирки или ссохлась, как иногда случается с кожаными туфлями. Но браслет?

Мистика какая-то. Совершеннейшая мистика!

Дела давно минувших дней

Вот любопытно было бы узнать: все люди такие слепые, глухие и дурные, вроде меня? Все они тащатся по жизни, либо зажмурясь, либо рот раззявив, ничегошеньки особенно-го в том, что вокруг происходит, не замечая, уверенные, что жизнь – это ни к чему не обязывающий перечень случайностей, а роковую роль в нашей судьбе играют либо заведомые злодеи или власть имущие, кои к нам или расположены, или нет? А может, сыщется кто-то, в случайной встрече или событии мгновенно распознающий перст судьбы?

Увы... я к таким провидцам не принадлежу и никогда не принадлежал. Вот-вот, время прошедшее относительно меня с каждой минутой становится все более уместным. Скоро самым уместным будет плюсквамперфект, давно прошедшее время... А ведь все сложилось бы иначе, владей я провидческим даром или хотя бы какой-никакой способностью к нему. Впрочем, Господь с ним, с провидением. Жаль, что я был довольно глуп и совершенно не озадачивался возможными последствиями тех событий, которые со мной приключались. Ну вот, к примеру, подарок Эльвиры... Человек поумней, посмекалистей, да что – просто поосторожней, чем я, непременно задумался бы, нет ли в нем чего-то необыкновенного. Вот сейчас, с высоты прожитых лет, которые во-все даже не отдалили, а напротив, как бы приблизили ко мне

давно минувшие события, словно под воздействием микроскопа, в который люди научные рассматривают каплю воды и видят в ней некие живые, но простым глазом невидимые существа, я вижу не только то, что происходило, но и то, что подразумевалось...

Эх, кабы раньше мне ту сообразительность! Сколько бы напорчено не было! Скольких бед и сам избег бы, и другим не принес! Эх... воистину, знал бы, где упасть, соломки бы подстелил!

Какая теперь дребедень в голову лезет... Вот, к примеру, купил я нынче сию тетрадку и карандаш химический. Купил, дабы начисто переписать роль Тетерева в пьесе Максима Горького «Мещане», которую наша труппа взяла к постановке. Сказать по правде, моя в этом спектакле – роль Бесеменова. Но не могу сказать, чтоб с охотой брался именно за эту роль, хотя она в мои годы вполне в моем амплуа. Я бы лучше Тетерева сыграл... вот человек! Он и смешон, и величествен, как всякий резонер с несостоявшейся судьбой. Тетерев – вечный изгнанник жизни. Похож на нашу актерскую братию. Все мы вечные паяцы, клоуны да изгнанники, оттого мне и хотелось сыграть его. Но, как говорится, noblesse oblige! При моем статусе Тетерева играть вроде бы неуместно. Да и нет у нас другой кандидатуры на амплуа «благородных отцов», кроме меня. Деваться некуда, но я очень ревниво смотрел на «резонера» нашего, Паву Ивашова, которому сия роль досталась при распределении. Все мне казалось,

что я иначе сыграл бы! Лучше! Вот и решил для себя роль Тетерева переписать, чтобы хоть наедине ею наслаждаться. Для того тетрадку из дорогих, с хорошей бумагой купил и карандаш непростой.

А вышло что? Вышло, что я эту тетрадку купил для того, чтобы записать последние свои в этой жизни слова? Потому что, будь честен перед собой, Никита Львович Старков-Северный, надежды у тебя, чтобы отсюда выбраться, нету никакой...

Кто и когда сюда вдруг явится и за какой надобностью? Никто и никогда, да и зачем? Ни одна душа не знает, что пошел я к станции... Нет, знает Серафима! Она меня сюда и вызвала обманом! Но ей и в голову не взбредет искать меня в провале. Придет, не застанет меня – и решит, что я просто манкировал ее просьбою. Собрался с силами и решил-таки вырвать свое сердце из когтей этой хищницы... Ну а как иначе объяснить то, что меня нет на месте свидания?!

Конечно, слух о том, что бесследно исчез артист Старков-Северный, рано или поздно пройдет... меня станут искать... Но дойдет ли этот слух до Серафимы, вот в чем вопрос? Да даже если и дойдет! Разве взбредет в голову бессердечной особе, которая только чудом не стала соучастницей моего жестокого убийства, озаботиться судьбой человека, который готов был бросить жизнь к ее ногам?

Разве что случайно кто-нибудь услышит мой крик... Но разве можно его услышать сквозь шум воды в трубах? Я и

сам не слышу ничего, ровно ничего! Если б до меня донеслись шаги или голоса, я стал бы звать на помощь, орал бы, срывая глотку, но я не слышу ничего, кроме этого усыпляющего, убаюкивающего шума...

Одна надежда, что слесарь, с которым говорил я в станционном садике, вспомнит обо мне. Хотя нет, он же был уверен, что я ушел, сам проводил меня на дорогу! И если он вспомнит, то лишь когда пройдут дни и я умру...

Нет надежды!

Вот сижу, пялюсь в стены моего невольного каземата... чудесный дар никталопии, которым я сделался наделен после нескольких лет жизни на севере, дает возможность писать... писать предсмертные записки...

Наши дни

Алёна разглядывала браслет, пытаясь понять, что произошло. Может, кто-то назовет это мелочностью и мещанством и предложит выкинуть несчастную побрякушку, однако браслетик стоил в магазине «Клеопатра», что на площади Горького, под две тысячи рублей, да еще полтыщи ушло на ремонт, а две с половиной тысячонки – не столь уж малая сумма для писательницы, которая в поте лица своего трудится с утра до вечера, но ни славы, ни состояния так и не стяжала. Слава – фиг с ней, она, как известно, яркая заплатка, но мечталось порой о гонорарчиках повесомей, пощедрей...

Короче говоря, Алёна Дмитриева находилась не в том материальном положении, чтобы направо и налево швыряться итальянскими браслетами, тем паче – с волосатиком! К тому же она по сути своей была аналитиком, именно поэтому и писала детективы, а не просто любовные романы. Хотя любовные тоже писала, когда приходила охота.

Словом, повинуясь гласу кошелька и зову своей натуры, она продолжала рассматривать браслет. И вот что обнаружила. Латунного колечка, которое ювелир вставил, дабы браслет увеличить, на месте не оказалось! Оно было приложено между двумя маленькими петельками на краю двух овалов. Один со стразами, второй – с осколочками рыжеватого халцедона. И вот теперь петельки цеплялись одна за другую.

Несколько мгновений Алёна тупо их разглядывала, совершенно не понимая, что произошло.

Конечно, колечко могло выпасть. К примеру, спайка неплотная. Но тогда браслет потерялся бы. Как петельки сами собой снова сцепились? Фантастика какая-то! Или это могло произойти?

Теоретически – нет. Но, может, практически – да?

Ни до чего путного Алёна не додумалась и думать бросила, потому что пришла ей пора собираться на шейпинг. Надо сказать, она более или менее следила за фигурой и хотя спорт вообще, кроме верховой езды, не любила, много ходила пешком и вот уж десяток годков исправно, два-три раза в неделю, посещала шейпинг-зал. Раньше он находился в Доме культуры имени пламенного революционера, одиозной исторической персоны Якова Свердлова, а с недавних пор переехал в район Среднего рынка, в новые дома по улице имени другой одиозной персоны, пламенного революционера, комиссара печати, пропаганды и агитации Володарского. Что за тяга имелась у дирекции шейпинг-зала к революционному прошлому Нижнего Горького, Алёна не понимала, а впрочем, мыслями этими не слишком-то себя отягощала. Сейчас ее куда больше занимало, что приключилось с браслетом.

Так вышло, что путь ее в шейпинг-зал лежал как раз через перекресток улиц Ванеева и сестер Невзоровых... Господи, да куда ж от них от всех деваться, от этих призраков русских

революций?! Именно на этом перекрестке находился дом, в подвальчике которого размещалась знакомая ей ювелирная мастерская. И Алёна решила зайти туда по пути и попросить снова увеличить браслет.

Она спустилась в подвальчик и остановилась перед прилавком. За ним никого не оказалось.

Алёна осторожно постучала согнутым пальцем о край прилавка. Дверь приоткрылась – выглянул чернявый и небритый парень. Мешковатый свитер висел на нем, как на перевернутой швабре. В глазу торчала лупа.

– Слушаю вас, – сказал он каким-то тягучим голосом.

Этого человека Алёна видела впервые.

– Извините, – робко молвила она, – а другой мастер – он завтра будет работать?

– Какой другой мастер? – удивился чернявый. – Я здесь один. – И ткнул себя в грудь, как бы подтверждая.

– Несколько дней назад я ремонтировала здесь браслет, и мастер был другой, – покачала головой Алёна. – Такой, знаете... – Она попыталась вспомнить: – Чуть пониже вас ростом, поплотнее, волосы светлые, очень приятное лицо такое...

– Да нет тут никакого другого мастера, ни со светлыми волосами, ни лысого! – Чернявый вынул лупу и утомленно потер глаз. – Вы чего хотели-то, девушка? А то меня работа ждет.

– Понимаете, – заспешила Алёна, – вот этот браслетик,

видите, он мне чуть маловат, мне его тут расширили, колечко вставили вот сюда, — она ткнула ногтем в сцепочки между овалом со стразами и овалом с жемчужинками, — а оно вывалилось, что ли, я не пойму, а петельки эти сами сцепились, тоже не пойму как... Может, вы посмотрите?

— Мы только с драгметаллами работаем, — еще более тягуче сказал чернявый. — Я даже не знаю, кто за эту работу возьмется.

— А тот, другой мастер брался! — упрямо сказала Алёна.

— Да нет тут никакого другого мастера, что вы мне голову морочите! — рассердился чернявый, но все же руку протянул и взял из рук Алёны браслет. — Ладно, дайте-ка погляжу...

Он снова вставил лупу в глаз и принялся вертеть и оглядывать браслет.

— Где, говорите, вставка была?

— Вот здесь, здесь! — снова ткнула ноготком Алёна между овалом с жемчужинками и овалом со стразами.

— Э-э... — протянул мастер и вернул браслет. — Вы, девушка, что-то путаете, честное слово. Никаких следов работы не видно, эти петли фабричной спайки, они так и держались друг за дружку, ничего не нарушено.

— Э-э... — невольно процитировала его изумленная Алёна, — да нет, не может быть, ну, конечно, может... вдруг я перепутала петельки, вдруг не между этими вставка была... посмотрите, ради бога, на другие, а?

— Да уж посмотрел, — скучным голосом сказал мастер, воз-

вращая браслет. Он говорил так медленно, словно солому жевал – совершенно по пословице. – Фабричную работу сразу видно, никто тут ничего не вставлял и не впаивал. Может, вам другой браслет ремонтировали? Может, вы не петельки, а браслеты перепутали?

Нет слов, гениальная рассеянность была пожизненной спутницей Алёны Дмитриевой, которая вечно что-то путала и забывала. И она малодушно подумала: «А может, и впрямь...» Но приступ самоуничтожения длился только миг. Все же браслеты – не колготки в сеточку, их так просто не перепутаешь. *Такой* браслет у Алёны был всего один! И ей хотелось думать, что он вообще уникален!

– А может, я мастерские перепутала? – ехидно спросила она. – В самом деле, неделю назад здесь был другой приемщик, а вы меня убеждаете, что вы единственный и неповторимый.

– Я тут всего пять дней работаю, – угрюмо промямлил чернявый. – И никакого другого приемщика здесь больше нет!

– Но где тот, что работал до вас?! – чуть не закричала Алёна. – Где он теперь? Скажите, бога ради!

– Чего не знаю, того не знаю! – развел руками чернявый. – Меня взяли на вакантное место. Все? Больше вопросов не имеете?

– Не имею, – буркнула Алёна и вышла вон.

Ее так трясло от злости, что она некоторое время даже не

отдавала себе отчета в том, куда идет. И длилось это состояние минут десять, пока Алёна внезапно не обнаружила себя стоящей перед дверью... ювелирной мастерской.

Нет, не той же самой, а другой, находящейся на улице – вы не поверите! – Пискунова, названной так по имени революционера-террориста Пискунова Александра Ивановича. Ну вот такой это город Нижний Горький, в красных пятнах тут и там...

Чувство юмора было одним из определяющих качеств Алёниной натуры. Поэтому она только засмеялась совпадению и, все еще улыбаясь, вошла в мастерскую.

Через пять минут она вышла оттуда уже без намека на улыбку.

Ну, само собой, мастер отказался взять браслет в работу, потому что и здесь работали только с золотом. А еще он сказал, что никаких следов постороннего вмешательства он не обнаружил. Потому что его не было: все петли и колечки запаяны фабричным способом.

Хотите верьте, хотите нет.

Дела давно минувших дней

Не единожды слыхивал расхожее мнение, будто в последние минуты перед смертью вся жизнь человека проходит перед его глазами. Насчет минут не уверен... полагаю, до смерти мне остаются еще многие часы, может быть, дни. Что раньше убьет меня, голод или жажда? Нет, не стану о сем думать. Лучше пусть перед глазами пройдет жизнь... я могу писать, пока не кончится тетрадь и пока не испишется карандаш. На счастье, у меня в кармане перочинный нож – есть, чем очинить, когда он затупится. Вдруг пришло в голову: а ведь этим ножом я смогу прекратить свои мучения, когда они станут невыносимы. Если вскрыть жилы, моя смерть будет более скорой и легкой, чем от голода и жажды...

Господи, прости мне, грешному, мысли сии... Господи, никогда не думал я, что стану размышлять о таких вещах... Но если мы и в самом деле все в руке Твоей, Ты ведаешь, что Сам подвел меня к этим мыслям... так отведи меня от сих посылов, ибо они претят мне. Смилуйся надо мной и утешь меня... утешь хотя бы воспоминанием о днях, когда я был еще молод и несведущ в тех пропастях, кои Ты уготовил мне!..

Ну что ж – вспоминать так вспоминать! О чем же? С его начать?

Как и положено – с самого начала.

Детство мое прошло в Петербурге. Мне всегда казалось, что с тех пор и назначено было мне сделаться актером. Стрекот швейной машинки и запах краски сопровождают непременно всякое представление о прошлом. Моя мать с утра до вечера сидела за машинкой и шила платья для одной из лавок Гостиного двора. Отец писал иконы и продавал на базаре. Ах, как потом вспоминал я эти звуки и запахи, когда начало вокруг меня вершиться театральное действо! Но тогда, само собой, я и не думал ни о каком театре – гонял себе по улицам, лазил на заборы и деревья, бил из чистого озорства витрины да фонари, успевая улепетывать от городских. Потом отдали меня учиться в частную школу, да вот беда – прилежание к наукам не было моей стезей. Выгнали меня, и прошло немалое время, прежде чем родители снова пинками да тычками определили меня в ученики, на сей раз типографские. Но и там дело не заладилось. Уж не знаю, кем бы я стал в жизни, кабы не привели меня однажды приятели в Александринский театр. Само собой, пошли мы в раек, иначе говоря – на галерку, однако время до начала действия я провел, перегнувшись через перила и разглядывая ярусы бельэтажа, бенуара и партер. В райке толпились студенты в своих тужурках да курсистки в скромных платьях, по большей части темно-синих или коричневых. А внизу сияли драгоценные камни в уборах дам, переливался шелк и атлас, мраморно белели обнаженные плечи. Их кавалеры тоже сияли черным атласом фраков или сверкали эполетами.

Заиграли какую-то музыку. Тогда в столице была такая манера – даже в драматическом театре «для съезда» перед началом представления играли что-нибудь из модных оперетт, совершенно никакого отношения к действию не имеющее. В антрактах тоже частенько звучало нечто подобное.

Ну что ж, в этом был смысл, потому что меж знатной публики «шикарным» считалось опаздывать в театр. И во время этой, с позволения сказать, увертюры то и дело хлопали двери и в партере и ложах появлялись новые зрители. Гвардейцы громко звенели шпорами – надо думать, все для того же шику.

Но вот наконец занавес раздвинулся – и я забыл обо всем на свете. В тот вечер давали «Гамлета»...

С тех пор я сделался завсегдатаем Александринки. Чаше двух раз в неделю бывать там не приходилось, но каждый вечер был чудесен. Я не видел ни грубо размалеванных кулис, ни убожества декораций, которые по большей части кочевали из пьесы в пьесу, ни примитивных мизансцен (актеры, как правило, сидели или бесцельно бродили по сцене). Главное, что они играли великолепно – театр дрожал от аплодисментов. Странно ли, что я только и мечтал, как бы стать актером?

В шестнадцать лет я был довольно высок и крепок, физиономией тоже удался, скажу не хвастая, не зря же потом долго держался на амплуа героев-любовников. Меня охотно стали брать в массовые сцены, потом дали крохотную ролишку в любительском театре... Боясь, что отец каким-то образом об

этом узнает, например увидит мое имя на афише (разумеется, я преувеличивал и известность театра, и интерес отца к нему), я взял псевдоним. Да и не все ли настоящие актеры носили псевдонимы?! А я очень хотел поскорей стать настоящим актером...

Фамилия моя Старков, а псевдоним принесло ветром. Долго я выбирал что-нибудь позвучней, но в голову приходили всякие пошлые Гиацинтовы или Мавританские. Но вот как-то шел по улице, и долетел до меня обрывок разговора.

– Ох и холодина нынче! – жаловался кто-то.

– А чего ж ты хочешь, ветер-то северный! – отвечал другой.

«Северный! – в восторге подумал я. – Нашел!»

С тех пор я и стал Старковым-Северным.

Наверное, если я подробно стану описывать начало и развитие моей актерской карьеры, мне не хватит моей тетрадки. Чего я только не испытал! Играл в балаганах, которые ставили на Масленицу на Марсовом поле, играл во временных летних театрах. Я с успехом участвовал в живых картинах. Поскольку Великим постом официальные спектакли были запрещены, я организовал группу таких же молодых безумцев, и мы играли на любительских сценах под Петербургом... Но я мечтал о большом успехе! Многие мои сотоварищи покидали сцену, но я не сдавался. Часто слышал я разговоры, что если актер не добился успеха в столице, надо ему попытаться успеха в провинции.

Я призадумался: а может, в этом выход из вечного безденежья и безвестности? И опыта наберусь... Тут как раз дошел до меня слух, что в «Обществе любителей театра» Петрозаводска нужен режиссер. Я написал туда и предложил свои услуги. Прошло какое-то время, я и позабыл о своем письме, как вдруг явился ответ. Петрозаводское «Общество любителей театра» приглашало меня на должность режиссера, а за работу предлагало ежемесячно пятьдесят рублей и комнату с полным пансионом. Дорогу общество тоже брало на свой счет, однако оплатить расходы предлагало по прибытии моем в Петрозаводск. Помню, меня изумило, что письмо было подписано почетной попечительницей театра, госпожой Э. Сампо.

Странная фамилия. Финская, что ли? В тех краях много финнов.

Я немедленно вообразил себе седовласую дебелую особу, плохо говорящую по-русски, с которой мне придется, быть может, сражаться, отстаивая свои взгляды на искусство, и заранее ее невлюбил. Мелькнула даже мысль: не отказаться ли?

Если бы я сделал это, жизнь моя сложилась бы совершенно по-иному... и в этой ужасной яме, в своей будущей могиле, я бы уж наверное не сидел! Но никто не избегнет судьбы своей – в те минуты, когда я мучился сомнениями, ехать в Петрозаводск или нет, сгорел театрик, в который я было пристроился на первые роли... другой работы не было, а по-

тому принужден я был ввериться обстоятельствам, которые подталкивали к отъезду на север.

Тут я подумал, что сам накликал себе это путешествие, когда принял псевдоним Северный. Ну что ж, делать нечего!

Надо сказать, что в те времена железную дорогу до Петрозаводска не проложили еще. Предстояло ехать на лошадях... стояла зима. Пальтецо мое было, как говорится, на рыбьем меху. Снеся в ломбард все, что мог, из своего жалкого добра, я получил какие-то деньги, на которые купил себе на Апраксином рынке подобие шубейки и валенки. И стал прикидывать, на чем добираться.

На почтовых показалось дорого. Решил ехать на крестьянских, попутных.

Собрал в сундучок остатки своего барахлишка и отправился на базарную площадь, где по трактирам начал искать возчика.

Никто не направлялся прямиком в Петрозаводск, а потому ехать мне предстояло на перекладных, от деревни до деревни: сначала до Гречихина, потом на Шелудевку, оттуда на Макарьево...

Все эти названия были для меня пустым звуком, географии я совсем не знал. Но вот нашелся первый возчик – по имени Макар Иванович, – и мы тронулись в путь.

Сколько раз прощался я с жизнью во время этого пути, думая, что замерзну в своей кацавейке, едва прикрытый какими-то рогожами и соломой, а иной раз, если мужик попа-

дался жалостливый, и худым его тулупом...

Привезет меня возчик в деревню, отогреюсь в избе, выпив кружку чаю с краюхой черного хлеба, — и опять в путь, с другим мужиком. Куда ехать, решали сами возчики, я же твердил одно: мне нужно в Петрозаводск! И снова еду, еду... То солнце кругом, то тьма. Я ехал днем и ночью.

Ночью было особенно жутко. Вот тянется сквозь густой лес дорога. По сторонам высоченные сосны и телеграфные столбы, которые, как чудится мне, достигают своими вершинами самого неба, самых звезд. Свистит ветер в ветвях и про водах. Чудится, он отпевает меня, одинокого, голодного, замерзшего... Страшно. В деревнях почти не говорят по-русски. Здесь уже живут карелы. При слове «Петрозаводск» они щурят свои голубые глаза и кивают: мол, понимаем, привезем тебя, куда надо.

И самое удивительное, что в один прекрасный день я и в самом деле оказался в Петрозаводске.

Наши дни

Алёна вышла из дверей мастерской и принялась разглядывать браслет, словно хотела увидеть нечто, опровергающее приговор ювелира. Ну, понятное дело, в спайках она ничего не понимала и ничего такого особенного в них не нашла, зато в самом камне волосатике обнаружилось нечто, достойное изумления. И это нечто было черным кристалликом в золотистой, исчерченной золотистыми же тонкими стрелками-волосками глубине. Кажется, в книжке про камни оно называлось бородой Магомета или как-то в этом роде, Алёна уж не помнила хорошенько. Зато отлично помнила, что раньше этого пятнышка в камне не было!

– А, ну теперь все ясно, – пробормотала она. – Браслетик-то мне подменили!

Да уж, ясней некуда...

Кто подменил? Когда? Зачем? А главное, каким образом?!

В квартиру, что ли, влезли?! Даже думать об этом не хотелось.

Алёна посмотрела на часы, словно на циферблате мог быть начертан ответ, но, натурально, ничего там не нашла. Что могло быть начертано на циферблате ее электронных часов, кроме четырех цифр: 15.40? А это значило, что через двадцать минут начнется тренировка, а до шейпинг-зала еще

пилить да пилить, причем пешком!

Отвязаться от мыслей о браслете наша героиня уже не могла. Думала, пока шла, думала, переодеваясь для тренировки, думала, когда становилась в любимом месте зала поближе к приоткрытому окну (она предпочитала замерзнуть, лишь бы не задыхаться), когда брала коврик, палку и гантели, когда расстегивала часы и укладывала их рядом с сумкой, потому что терпеть не могла, если что-то стесняло во время интенсивного дрыгоножества и рукомашества...

Вышеназванные процессы здорово помогали Алёне отвлечься от мыслей – даже самых печальных. В былые времена она не без помощи шейпинга пережила даже разрыв с мужем, Михаилом Ярушкиным, и такая мелочь, как подмена браслета, напрочь вылетела у нее из головы.

Час тренировки промелькнул как миг. Алёна оделась, ощущая приятную усталость и, как всегда, дикий аппетит (а ведь минимум три часа после шейпа нельзя есть!), собрала свои вещички и пошла в гардеробную за пальто.

– Алёна! – выглянула из зала тренер Анжела. – Вы забыли часы!

– Опять! – хохотнула администратор Лариса Леонидовна.

– Рассеянный с улицы Бассейной, – с извиняющейся улыбкой сказала Алёна и надела часы, в очередной раз порадовавшись, что они у нее такие приметные, броские, с разноцветным электронным циферблатом (часы со стрелочками Алёна терпеть не могла), их не перепутаешь, не подме-

нишь, не то что несчастный браслет.

Браслет... А ведь браслеты она тоже всегда снимала! И другие, и этот, с волосатиком... Но ни разу не забывала после тренировки. Или забывала?

Она вышла на улицу, машинально накинула капюшон, машинально свернула в подворотню.

Возможно... кажется... да-да, причем не столь давно! И именно браслет с волосатиком! Она уже совсем собралась было уходить, когда из зала прибежала Анжела и подала ей браслет. Алёна уже стояла, можно сказать, в дверях и очень спешила, поэтому сунула браслет в карман пальто, пошла своей дорогой и с тех пор и до сегодняшнего дня его не надевала!

Это было... нет, не вспомнить... несколько дней назад.

Вообще все в голове перепуталось, жизнь так быстро идет...

Но что, получается, что браслетик подменили именно тогда?

Странно. Странно... хотя, наверное, объясняется очень просто. У кого-то был такой же, они лежали рядом во время занятий, и другая дама взяла Алёнину побрякушку. Не самое лучшее объяснение хотя бы потому, что Алёна клинически не помнила, чтобы ее уникальный браслетик лежал рядом с аналогичным. Нет, все же лучше согласиться. Или нет? Подмена произошла не нечаянно, а нарочно. Кто-то увидел у Алёны браслет и во что бы то ни стало решил завладеть им.

Ага, ага, и ради этого он (вернее, она, конечно, потому что это чисто женские фокусы, да и мужчины в шейпинг-зал не ходят!) покупает точно такой же?! Ну ладно, украла бы, это хоть в какой-то степени логично...

Нет, есть еще одно очень логичное объяснение: неизвестной даме браслет тоже был маловат, как Алёне, она походила по ювелирным мастерским в поисках кого-то, кто увеличил бы украшение, но повсюду натыкалась только на спецов по драгметаллам, и она вконец отчаялась, а потом узнала – каким образом, интересно?! – что у Алёны браслет побольше, и решила подменить.

Бред.

Ладно, оставим пока вопрос, *зачем* это сделано. Вернемся к вопросу – *как*?

Алёна вздохнула и повернула назад. Нажала кнопку домофона и, войдя в вестибюль спортзала, виновато улыбнулась администратору Ларисе Леонидовне.

– Еще что-нибудь забыли? – усмехнулась та.

Из зала выглянула Анжела.

– Анжелочка, – смущенно проговорила Алёна, – вы не помните, вам кто-нибудь отдавал вот этот браслет, который я могла забыть?

Анжела посмотрела на нее со странным выражением. Видимо, решила, что у писательницы Дмитриевой прогрессирующий склероз.

Ну и правильно решила, между прочим!

– Не помню, а что? – сказала она осторожно.

– Ничего, просто так, – ответила Алёна.

Лариса Леонидовна смотрела на нее с жалостью, как на сумасшедшую. И Алёна подумала: окажись она на их месте, смотрела бы на себя точно так же.

Она смущенно извинилась и повернулась к двери, как вдруг Анжела воскликнула:

– Вспомнила! Было дело! Только никто мне этот браслет не передавал, я сама его нашла в пустом зале, когда тренировка закончилась. Пошла окна открывать, смотрю – лежит. Я вышла и кричу: чей, мол, а потом про вас вспомнила.

Алёна радостно воскликнула:

– Да! Конечно! Спасибо! – И поспешила смыться.

Итак, украшение подменили. Кто? Может, сама Анжела? Нет, вряд ли, она очень худая, у нее изящные, тонкие запястья, на которых даже не увеличенный браслет болтался бы. И вообще, она такого не носит.

Тогда кто? Эх, не будь Алёна такой неорганизованной особой, ходи она на тренировки в одно и то же время, как все нормальные люди, могла бы понаблюдать за своими, так сказать, одnogруппницами, сделать какие-то выводы... и какие, например? Не станешь же подходить ко всем и спрашивать: «Извините, это не вы заменили мой браслет и не могли бы вы вернуть его?»

Случайность исключена, никаких сомнений нет. Небось та женщина, которая его стащила, сделала это не для того,

чтобы бить себя тапкой в грудь и признаваться в содеянном. Так что размышления бессмысленны.

Что остается? Опять пойти в какую-нибудь ювелирную мастерскую и предложить не пятьсот рублей, а скажем, тысячу за работу, которую в этих мастерских не делают. И носить новый как старый. Они ведь практически ничем не отличаются, ну вот разве что черное пятнышко в волосатике, но от него и камень, и браслет хуже не стали, может, еще больше магических свойств приобрели!

Обыкновенная женщина так и поступила бы.

Но Алёна Дмитриева не была обыкновенной женщиной. Она ведь писала детективы, а значит, обладала особым складом ума. Ум ее был зациклен (заточен, как теперь принято выражаться) на загадывании и разгадывании всевозможных загадок, запутывании и распутывании всевозможных узлов. Ну, иногда на разрубании их, если они казались гордиевыми. К тому же ей сейчас до зарезу нужен был сюжет для очередного романа, который через месяц следовало сдать в московское издательство «Глобус», а там еще и конь не валялся... А история с подмененным браслетом – чем не сюжет?

Размышляя таким образом, Алёна перешла площадь Горького и вдруг обнаружила перед собой магазин «Клеопатра» – тот самый, в котором купила украшение. Недолго думая, вошла.

Брякнул колокольчик на двери, и за прилавком мигом материализовались две продавщицы, интеллигентного вида да-

мы постбальзаковских лет. Алёна иногда думала, зачем для такого крохотного магазинчика (квадратов пятнадцать от силы!), отнюдь не забитого народом, две продавщицы. Ну, наверное, в этом имелся какой-то смысл, однако доискиваться Алёне было как-то неинтересно.

– Скажите, пожалуйста, – начала Алёна, доставая злополучный браслет из кармана и обращаясь к даме номер один, полноватой маленькой брюнетке с красивыми черными глазами, – вы не помните, кто у вас купил вот это?

– Вы, – выпалила дама номер один. – А что, есть сомнения? Я отлично помню, как вы его покупали – около двух недель назад, если не путаю. Вы сначала померили другой, тоже итальянский, витой, оригинальный, но попроще и подешевле, а потом увидели этот. И никак не могли выбрать, который купить, вам оба понравились, потом решили взять два, но боялись, что денег не хватит, стали считать и последнюю сотню нашли в кармане пальто. Вы были в этом самом пальто, и я еще спросила вас, где вы его купили, а вы сказали, что в «Шоколаде» на третьем этаже.

Если бы Алёна Дмитриева не была убеждена, что разевать рот – крайне неэстетично, она бы непременно разинула – от изумления.

Вот это, я вам скажу, память! Вот это профессионализм! Некоторым детективщицам надо бы на мастер-классы к этой продавщице походить!

– Здорово! – не скрыла она своего восхищения. – Нет,

потрясающе! У вас совершенно ошеломляющая память! Неужели вы всех покупателей запоминаете?

– Если они – знаменитые писательницы, – довольно ехидно подала реплику вторая продавщица, изможденная блондинка. – Секлита Георгиевна целую кучу ваших книжек собрала! А мне они не слишком нравятся.

Алёна смутилась. Носительница столь необычайного имени – ну прямо из пьес Александра Николаевича Островского! – тоже.

– Ну да, они многим не нравятся, – с улыбкой кивнула Алёна, которая вообще реально смотрела на жизнь, а потому на непризнание своих заслуг не слишком обижалась. – Так себе книжки, очень среднего уровня.

– Ничего себе, среднего! – воскликнула Секлита Георгиевна. – Знаете, в какой-то статье про вас говорилось, что вы пишете только для умных женщин.

Ее месть напарнице-блондинке была тонкой и изысканной, и Алёна, которая сама обожала искусство намеков и нюансов, не могла не восхититься. Правда, прошло не меньше минуты, прежде чем остро отточенная стрелка долетела до цели и поразила ее.

– Да уж, конечно, если я Алёну Дмитриеву не читаю, значит, я не умная! – обиделась блондинка. – А мне вот Дина Рубинович больше нравится!

– Вы, наверное, хотите сказать, Дина Рубина? – ласково осведомилась Секлита Георгиевна.

Так, подумала Алёна, трудового содружества между коллегами нет как нет!

Блондинка покраснела до корней своих тщательно покрашенных волос и смылась в подсобку, где очень своевременно зазвонил телефон.

– Нет, правда, я очень ваши книжки люблю! – улыбнулась Секлита Георгиевна.

– За мной новый роман! – твердо пообещала Алёна. – И даже два, если вспомните, был ли у вас еще один такой браслет и кому вы его продали.

Матово-черные глаза Секлиты Георгиевны засияли.

– Вы придумываете новый сюжет? – шепнула она заговорщически.

– Что-то вроде, – пожала плечами Алёна.

– Браслетов в самом деле было два, – тем же шепотом продолжала Секлита Георгиевна. – Один купили вы, а второй продали через три или четыре дня.

– Кому, не помните? – чуть не застонала Алёна.

– Продавала не я, – покачала головой Секлита Георгиевна. – Я болела.

– А кто? – насторожилась Алёна.

Секлита Георгиевна ткнула пальцем в сторону подсобки, где все еще говорила по телефону блондинка, и поджала губы. Янтарный блеск в ее глазах померк.

– Может, она помнит? – с надеждой спросила Алёна.

– Да вряд ли, – покачала головой Секлита Георгиевна и,

как показали следующие десять минут, оказалась совершенно права. Блондинка, которую звали Раиса Федоровна, не просто не помнила, но не помнила даже как-то воинствующе, с особым, несколько садистским удовольствием.

– А зачем вам это нужно? – спросила она наконец, когда Алёна уже несколько охрипла от просьб.

Алёна пожалала плечами. Рассказывать нелепую историю с подменной браслета не хотелось.

– Это для сюжета! – подсказала Секлита Георгиевна.

– Ах для сюже-е-ета... – презрительно протянула Раиса Федоровна. – Для сюжета вашего я и напрягаться не стану, и вспоминать не буду.

– Ну и не надо, – обиделась Алёна. – Обойдусь.

И ушла, улыбнувшись на прощание Секлите Георгиевне и призывая себя успокоиться. Если все время думать о том, что тебя так изощренно ограбили, поневоле станешь мизантропом. Не лучше ли относиться к случившемуся с юмором, благо чувство оного в наличии имеется? И вообще выкинуть из головы эту дурацкую историю с браслетом, волосатиком, ювелиром...

Самые проницательные читатели уже, конечно, догадались, что сделать это Алёне Дмитриевой не удалось.

Дела давно минувших дней

Я приказал подвезти себя к гостинице. До сего времени стоять в гостинице мне никогда не приходилось, и по пути, то есть когда я уже уверился, что доберусь до Петрозаводска живым, я навоображал себе невесть что – вроде «Астории» по меньшей мере. Однако же по мере приближения к сему «отелю» я постепенно соразмерял свои фантазии с реальностью. Дома здесь были большей частью деревянные, одноэтажные и неприглядные. Таким же оказался и «отель», носивший незамысловатое название «Северный». Впрочем, это показалось мне хорошим предзнаменованием! Ведь таков же и мой псевдоним!

В гостиничной конторе предъявил я документы. Помню, меня удивило тщание, с каким их проверили сначала хозяин, а потом полицейский чин. Тогда я еще не знал, что Петрозаводск – место поселения многих ссыльных, поэтому всякий новый человек брался здесь на заметку: а не прибыл ли он с некими противоправительственными злоумышлениями?

Я на первый взгляд был персоной, никакого доверия не заслуживающей: одет кое-как, чрезвычайно грязен, голоден, как зимний волк, а то и лютее, денег при себе не имел ни копейки (хозяин не замедлил стребовать с меня плату вперед), к тому же назвался актером и режиссером.

Хозяин и полицейский чин при сем наименовании пере-

глянулись с задумчивостью. Мне, дрожащему от холода и мечтающему о теплой бане и сытном обеде, вздумалось, что меня немедленно повлекут сейчас в кутузку – до выяснения обстоятельств, и я вынул письмо от Э. Сампо. И пожалел, что не сделал этого раньше!

Стоило лишь полицейскому чину сие письмо увидеть, как отношение ко мне вмиг переменилось. Оказывается, хозяин получил касательно меня особые распоряжения, согласно которым все мои расходы в первое время – до получения аванса в казначействе театрального общества – берет на себя само общество. То есть немедленно был мне предоставлен номер и исполнены самые заветные желания, касающиеся обеда, бани и отдыха.

Затем я отправился к казначею на дом и получил аванс двадцать пять рублей. От огромности этой суммы у меня натурально сперло дыхание.

– Я должен быть благодарен господину Сампо, – сказал я.

– Госпоже, – уточнил казначей. – Номинально председателем нашего театрального Общества является господин губернатор Николай Иванович Русков, но фактически – его супруга, Эльвира Михайловна. Мы все подчинены ей. Очень умная, образованная дама, весьма сведущая в театральной жизни: выписывает все новинки и сама мечтает играть на сцене. Да что, у нас и драматург свой есть – Карнович, из ссыльных. Непременно станет вам свои творения предлагать, соперничая с Грибоедовым и Островским!

Я несколько приуныл. Сказать по правде, еще в Питере доморощенные драматурги внушали мне ужас. Очень редко они писали что-нибудь пристойное. Но еще больший ужас внушала губернаторша, возомнившая себя актрисой! А что, если она бездарна? Как мне быть, как отказать ей? Да ведь если она окажется самодуркой, меня выгонят вон! А что, если прежний режиссер был изгнан именно за это? Неужели придется уехать, едва сюда добравшись? По той же смертельной дороге?!

Меня пробрал мороз.

Не хотелось думать о грустном заходя, а потому я перевел разговор на другое:

– А почему ее превосходительство избрала такой странный псевдоним? Что это значит – Сампо?

– Честно говоря, не знаю, – пожал плечами казначей. – Это что-то из каких-то сказок лопарей, карелов, саамов... Ее превосходительство без ума от этих сказок, но я, честно признаюсь, этим не увлекаюсь, предпочитаю, знаете ли, Мопассана! – И он игриво подмигнул.

На этом мы простились, и я, напутствуемый советом непременно нанести завтра визит их превосходительствам, отправился в гостиницу, ибо день уже давно сменился темнотой. Здесь зимние дни оказались еще короче, чем в Петербурге.

Лишь войдя в гостиницу, я услышал женский тихий плач и за поворотом коридора разглядел хозяина, рядом с ко-

торым стояла светловолосая девушка в сползшем на плечи большом клетчатом платке. Волосы ее, удивительно гладкие и блестящие в свете лампы, которую держал хозяин, были заплетены в длинную косу.

Хозяин ей что-то грубо выговаривал, но увидел меня и шикнул. Девушка, повернувшись, бросилась вон. Я успел увидеть залитое слезами хорошенькое личико. Впрочем, она на меня не взглянула.

Заметив мой любопытный взгляд, хозяин вдруг сказал:
– Чистота – лучшая красота. А коли она утрачена – остается только слезы лить.

Я обратил внимание, что хозяин, черноглазый и темноволосый, явно не местный житель – здешние все светловолосы и светлоглазы, – говорит с некоторым акцентом, а главное – с той же протяжностью и флегматичностью, как уже виденные мною карелы, из чего я заключил, что природа Севера и общение с этой немногословной нацией настраивают людей на спокойное поведение в любые мгновения жизни. Мне бы тоже не помешало обрести толику спокойствия, ибо я страшно волновался. Уповая на провидение, которое и прежде было ко мне милостиво, я отправился в свой номер и лег спать, наказав разбудить меня не позднее девяти, ибо опасался заспать, а казначей успел меня предупредить, что ее превосходительство – пташка ранняя, для нее начинать прием в десять или одиннадцать утра – самое обыкновенное дело.

Думал, что буду спать как убитый – после моих-то дорож-

ных мучений, но нет, среди ночи вдруг проснулся. Странное было ощущение – словно кто-то подошел и коснулся лица.

В комнате было темно, лампадка под образом не давала почти никакого света.

Кое-как зажег свечу... никого.

Да и не могло тут быть кого-то!

На все лады повторяя это, я принуждал себя спать, но ощущение теплой ладони на моем лице не оставляло меня. И не мог я понять чувства, которое при этом владело мною: страх или взволнованное ожидание неведомого.

Наши дни

Ночью начался снегопад и не прекращался целый день.

Нет, весна в этом году выдалась совершенно нереальной. Кто ее помнит, не даст соврать. Уже март подходил к концу, а сугробы все не таяли, да еще чуть ли не каждый день снова и снова шел снег. Вот по такому свежевывавшему снегу Алёна Дмитриева возвращалась домой, вся обвешанная сумками, потому что по пути заглянула в магазин. Она еле передвигала ноги в дурацком, так несвоевременно выпавшем снегу, коварно прикрывшем наскольженный, невычищенный тротуар, и размышляла... нет, не о фокусах с браслетом, и не о причудах погоды, и даже не о том, куда в нынешнем году исчезли все дворники поголовно. Думала она о существах, которые играли в ее жизни весьма спорадическую роль. А именно – о мужчинах.

Мужчины, без сомнения, особи полезные. Не только потому, что без них не обойтись, если, к примеру, вы обожаете танцевать аргентинское танго. Ведь это парный танец, партнеры позарез нужны. И без них опять же не обойтись, если вы заядлая натуралка и вдобавок не приучены к пользованию вспомогательными эротическими девайсами. Кроме доставления немалого удовольствия женщинам, мужчины могут с успехом использоваться в работах по дому и для переноски тяжестей, например сумок с продуктами, если дама

вдруг вздумала конкретно затариться и идет с шестью сумками, а рук у нее по-прежнему всего лишь две.

В это самое мгновение какой-то человек, спешивший по тропинке навстречу, поскользнулся и толкнул Алёну, да так, что она села в сугроб вместе со всеми своими сумками и даже подняться смогла не сразу. Честно говоря, вынули ее из сугроба добрые люди... женщины, между прочим. Не то чтобы Алёна так уж сильно пострадала от падения, что не могла сама подняться: она просто-напросто обессилела от смеха. Мобилизованное и призванное чувство юмора оказалось на боевом посту. Нет, ну не смешно ли?! Стоит воздать должное мужчинам, как непременно получаешь от них какую-нибудь пакость... ну чем не новый закон Мёрфи?!

– И чего вы, девушка, хохочете? – возмутилась одна из спасительниц, маленькая и толстенькая, в короткой шубке, которая делала ее поперек себя шире. – Тут плакать надо, а не хохотать! Это что ж за мужик пошел? Сбил девушку, а сам и не оглянулся, поскакал дальше. Я б на вашем месте милицию вызвала. Если сразу приедут, его еще можно задержать. Он вон туда, в «Видео», зашел, я видела. Наверное, сисадмин какой-нибудь, они же все чокнутые, ничего вокруг не видят, кроме своих компьютеров! То-то от него скипидаром разило, небось их и промывал.

– Эмо он, – возразила вторая спасительница, высокая и худая, в длинном пальто и высокой шапке, которая делала ее еще выше. – У него на куртке яйцо намалевано, а у них

вроде яйца что-то такое значат, только не знаю что.

– Какой же он эмо? – изумилась дама в шубе. – Панк, вот кто, а никакое не эмо! Яйцо на куртке нарисовано золотое, а у эмо яйца зеленые и весят по килограмму.

– Да вы что?! – остолбенела дама в шапке. – Как же они с такими яйцами ходят?!

– Да не ходят, а сразу закапывают яйца в песок, – пояснила «шуба». – Нет, девушка, что вы все время хохочете?!

– Да над нами небось и ржет, что мы, как дуры, ее из сугроба вытаскивали! – обиделась «шапка».

Алёна изо всех сил сжала губы, опасаясь, что ее сейчас снова запихнут в сугроб, и промычала, еле удерживаясь, чтобы не расхохотаться вовсе уж гомерически:

– Может, эму? Страус эму?! С зелеными яйцами который?

– Спятила, – махнула рукой «шуба». – Какой же он страус? Говорят же – парень в черной куртке в «Видео» пошел. Разве страусы в куртках ходят?!

– Да что с ней говорить! – махнула рукой и «шапка», и обе спасительницы разошлись по сторонам, а Алёна потащилась своим путем, еле волоча сумки и слабо повизгивая от смеха.

Театр абсурда какой-то, честное слово! Сисадмин, который промывает компьютеры скипидаром, – это круто, конечно, но эмо с зелеными яйцами – еще круче. Нет, тетка сказала, у него было золотое яйцо на куртке...

Алёна нахмурилась. Это ей что-то напоминало...

Да ведь у мастера, который увеличивал браслет, была

именно такая куртка! С нарисованным золотым яйцом. И от куртки сильно несло скипидаром.

Неужели тот самый мастер? Надо его найти, может, он не откажется увеличить и второй браслет?

Алёна рванулась было в сторону «Видео», но поскользнулась и снова чуть не упала под тяжестью сумок. Нет, надо дойти до дома, это три минуты, положить покупки, а потом спешить в магазин. Если судьба найти мастера, значит, он никуда не денется. А не судьба... ну что ж, придется смириться.

И она со всей возможной скоростью побрела к дому.

Ну, три не три, но шесть минут спустя Алёна уже влетела в просторный и практически пустой за поздним временем зал магазина и принялась растерянно осматриваться. Ни эмо, ни эму, ни сисадмина, ни ювелира в знаменитой куртке не было видно. Вот же черт... Или уже ушел, или...

Да с чего та тетка в шубе взяла, что он пошел именно в «Видео»? Ведь через ту же дверь можно попасть и в спортивный магазин, и в «Обувь для вас», и в «Детскую радость», и даже в «Word-class», не говоря уже о пиццерии на первом этаже! Он может быть где угодно, придется обежать все эти места... хорошо бы обойтись без захода в «Word-class», туда, говорят, без пропусков не попадешь.

На всякий случай Алёна еще прошла между рядами компьютеров-пылесосов-телевизоров-стиральных машин и всего прочего крупного и мелкого местного товара, как

вдруг увидела... черную куртку со знакомой до боли эмблемой! Алёна подошла поближе и чуткими ноздрями уловила знакомый запах. Он!

Нет, не он. Ювелир был среднего роста, а это довольно высокий парень... Неужели существует на свете вторая такая же куртка?!

Да что ж ты, Алёна, такая забывчивая? Мастер же говорил, что надел куртку своего брата, какого-то там язычника и любителя мифологии! Наверное, это он и есть.

Надо, значит, его спросить, есть ли у него брат-ювелир, и...

Алёна только подалась было к предполагаемому язычнику, как он свернул в какую-то дверь, ведущую в недра магазина.

Вот те на! На двери надпись – «Служебный вход». Неужели «язычник» здесь работает и сейчас пошел заступать на смену? Если так, Алёна его не найдет, потому что ничего, кроме куртки, не видела. Ну, высокий, ну, волосы темно-русые... Приметы никакие. Надо успеть остановить его прежде, чем он скроется.

Алёна понеслась к двери с запретительной надписью и уже взялась за ручку, как вдруг была остановлена хриплым шепотом:

– Ну куда ты лезешь, а главное, зачем? Жить надоело?!

Она в ужасе отпрянула от двери и огляделась. Господи, страсти какие... неужели теперь за нарушение магазинных

запретов карают смертью?!

Однако рядом никого не было. И в это мгновение снова раздался хриплый шепот:

– Мало тебе того, что с Лехой сделали? Еще и тебе охота на свою плешь нагрести свинцовых щелбанов? Забудь ты об этом, забудь!

– Как я могу? – ответил другой шепот – злой, горячий. – Невозможно!

Наконец до Алёны дошло, что разговор идет за дверью.

Наверное, хорошо воспитанная женщина должна была деликатно отойти и не подслушивать, тем паче что разговор страшноватый. Однако Алёна Дмитриева оставалась хорошо воспитанной лишь тогда, когда это было ей нужно. А когда – нет, она смело освобождала себя от химеры, именуемой утонченными манерами. Как сейчас.

– Так ты его все равно уже не воскресишь, только сам навнешься, – хрипло прошептал первый голос.

– Нет, ты серьезно думаешь, что я могу вот так спокойно отойти в сторонку, зная, что эти сволочи живы и благоденствуют? Из-за такого дерьма убить человека?! Я не могу так! Так нельзя, это неправильно! – горячо прошептал второй.

– А не ты ли сам ради этого дерьма готов был на стенки лезть еще недавно?

– Я никого не убивал, даже думать об этом не могу!

– Ты мне мозги не компостируй, ладно, Данила? – сердито хмыкнул первый. – А зачем ты тогда хочешь знать ее адрес?

Чтобы принести ей цветы?

– Я бы принес цветы на ее могилку, – глухо отозвался тот, кого называли Данилой. – Да не бойся, я ей ничего не сделаю. Только спрошу...

– О чем?

– Это мое дело.

– Давай, говори! Иначе ничего не скажу. Строишь тут мстителя благородного такого за Леху, а о чем хочешь у нее спросить? Где все эти золотые побрякушки? Задумал самолично с Вейкой встретиться? Хитрый какой. Ничего у тебя не выйдет. Думаешь, она тебе все эти концы выдаст? Да кому она нужна, если расколется?

– Я и правда хочу с Вейкой встретиться. Хочу знать, правда все эти рассказы или нет. Потому что если правда – он вел бы себя иначе. Никого не убивали бы. Все было бы по-другому! Так грязно нельзя... так кроваво, так жестоко...

– Знаешь, если бы Леху не положили, тебе это не казалось бы таким жестоким. Ты огреб бы евражек за свой скорбный труд – и не думал бы о правде или неправде.

– Слушай, Костик... Если не хочешь меня понять, не понимай. Но все же мозг включи – хотя бы просто так, для разнообразия! Теперь не только я не огребу евражек – ты тоже. Теперь все в руках этой суки. И если мы ее не тряхнем... Ты пойми... у моей девушки, ну, у Любаши, ты ее видел, дядька работает в российском отделении Интерпола. И этот дядька сейчас как раз в Нижнем. Я мог бы ему обо всем этом рас-

сказать. Но я молчу. Потому что думаю: за своего брата я должен отомстить сам.

– А может, ты молчишь потому, что понимаешь: если органы влезут в это дело, они точно к рукам все приберут, никому ничего не достанется, в том числе и тебе. Даже двадцать пять процентов за обнаружение клада не дадут, еще и посадят за то, в чем ты успел поучаствовать!

– Да, и это тоже. Так что предпочитаю обойтись сам. Но с твоей помощью.

– Нет, я не ввязываюсь! – с паническими интонациями прошептал Костик. – Я вообще с ней ни разу слова не сказал, она меня и знать не знает, я не собираюсь ни во что вмешиваться. Охота тебе – делай сам.

– Значит, помогать не будешь? – ехидно спросил Данила. – И если я все же сдеру с них какие-то деньги, ты от них откажешься?

Настала пауза.

Алёна вся превратилась в слух.

– Ну как это я не буду помогать? – пробурчал Костик. – Адрес я тебе скажу...

– Ну?

– Это... я, в общем, адреса точно не знаю, но это почти как раз на пересечении Арзамасской и Крупской. Там напротив перекрестка тропинка между домами, как бы к Ильинке ведет. Проедешь во дворы – второй дом налево, главная примета – чердачное окошко досками перезаколочено, первый

этаж.

– Да там развалюхи какие-то! – изумился Данила. – Неужели она там живет?!

– У нее квартира где-то в Лапшихе, но она ее сдает, а живет именно что в развалюхе, которую снимает за гроши. Там же и самые важные встречи по вечерам назначает. Говорят, она скупая, как... как... – Костик замялся в поисках сравнения.

«Как Скупой рыцарь у Пушкина, Плюшкин у Гоголя, Гарпагон у Мольера, Гобсек у Бальзака, Скрудж у Диккенса, Шейлок у Шекспира», – мысленно подсказала Алёна, однако Костик телепатическими способностями не владел, а потому пошел по пути наименьшего сопротивления и сказал:

– Скупая, как... как сука!

Ну что ж, в этом была даже некая изысканность... некая фонетическая игра, даже намек на аллитерацию... не «чуждый чарам черный челн», конечно, но тоже ничего себе!

Алёна на миг задумалась о любимом – о всяких лингвистических чудесах – и чуть не пропустила опасного момента. Данила сказал:

– Ну ладно, спасибо и на том. – А потом дверь колыхнулась, и Алёна едва успела отскочить и с неподдельным – то есть ей хотелось так думать – интересом углубилась в разглядывание коробок со сменными мешками для пылесосов.

Она схватила какую-то коробку и поверх нее украдкой бросила взгляд на служебный вход. Оттуда вышли два парня:

один высокий и темно-русый – в знаменитой куртке, другой среднего роста, худенький, в красной фирменной робе магазина «Видео». Высокий пошел к выходу, а второй свернул к Алёне:

– Вам чем-нибудь помочь?

Поверх робы болтался бейджик с надписью: «Менеджер Константин».

– Э-э... – пролепетала Алёна, делая простейший логический вывод, что высокого парня звали, стало быть, Данилой. – Я ищу мешки для своего пылесоса.

– Какой он марки? – заботливо спросил Константин.

– «Самсунг».

– А какая модель?

– Что значит – какая модель? Ну, он синенький такой, кругленький... – показала руками Алёна.

– Я имею в виду номер модели, – улыбнулся Константин с тем выражением, с каким врачи обычно улыбаются идиотам. В смысле, идиоткам.

– Я не знаю... – развела руками Алёна, оправдывая диагноз. – А у него что, есть номер?

На самом деле она отлично помнила, что у ее «Самсунга» есть номер – 1500. И пылесборники ей в самом деле были нужны! Но если сейчас она назовет номер и мешки найдутся, придется для конспирации их покупать, а в это время Данила исчезнет! И Алёна ничего не успеет у него спросить!

– Извините, – пробормотала она, приклеив к лицу вино-

ватуую улыбку, – я теперь вспомнила, на пылесосе и правда какие-то цифры написаны. Я посмотрю, а завтра приду. Хорошо?

– Как вам будет угодно, – кивнул Константин, – хотя у нас есть одна модель пылесборников, которая практически для всех «Самсунгов» подходят. Универсальные мешки!

– А вдруг к моему они не подойдут? – старательно испугалась Алёна. – Нет, я лучше посмотрю номер... спасибо, до свиданья!

– До свиданья, – пробормотал Константин, даже не поглядев вслед рассеянной клиентке, которая с невероятным пылом вдруг рванула к выходу. Поработайте в «Видео» – и не такого еще насмотрите!

Дела давно минувших дней

Утром я надел фрак (правильнее будет сказать, фрачок, настолько он кургуз и неказист, а впрочем, без ложной скромности сознаюсь, что я, по отзывам, выглядел в нем весьма авантажно и, главное, старше своих лет!) и отправился с визитом к их превосходительствам.

Петрозаводск показался мне неказист. Каменных домов раз-два и обчелся, а именно три. Один из них оказался гостинный двор – одноэтажный, узкий, с галерейками и арками. Напротив находилось деревянное и тоже одноэтажное здание театра. Я обрадовался, увидав, что расположен он на столь бойком месте, как торговая улица. Значит, о предстоящих спектаклях все извещены!

Неподалеку нашел я небольшую площадь, где полукругом располагались так называемые присутственные места. Неподалеку стоял и губернаторский дом, каменный, в три этажа, очень просторный, вытянутый в длину крыльями и флигелями. Вокруг раскинулся очень недурной парк – понятное дело, занесенный снегом, но с тщательно расчищенными дорожками. Собственно, единственный этот дом производил поистине городское впечатление, и я, петербургский житель, русской провинции в глаза прежде не выдавший и побаивавшийся ее, несколько приободрился.

Я был удивлен той быстротой, с какой приняли меня их

превосходительства. Я как актер привык к пренебрежению со стороны сильных мира сего. Я тогда недооценивал скуку здешней жизни, когда всякий новый человек – вдобавок прибывший по своей воле, а не ссыльный! – становился сразу интересен. А к актерам, благодаря увлечению губернаторши, вообще было особенное отношение.

Губернатор оказался сморщенным, сторбленным седовласым старцем весьма почтенного вида. Его супруга – очень высокой, почти с меня ростом и гораздо выше своего мужа, с великолепной фигурой. Лет ей было... ну, словом, как говорится, женщина бальзаковского возраста. Одета в синее платье, она казалась большой удивительной птицей рядом с воробышкой-мужем. Говорил губернатор мало, хотя и приветливо, порою украдкой позевывал и очень скоро удалился, сославшись на необходимость читать какие-то важные бумаги. Помню, мелькнула у меня мыслишка, что он отправился просто-напросто поспать.

– Ангел мой, – выразился он по-старинному, обращаясь к жене, – предоставляю тебе занять нашего гостя.

Ее превосходительство послала мужу ласковую улыбку и посмотрела на меня. У нее были прекрасные серые глаза, которым синее платье придавало голубоватый оттенок, а волосы темно-русые. Черты лица нельзя было назвать иначе как породистыми. Вообще лицо поражало не столько красотой, сколько оригинальностью. Впечатление ее внешность и манеры производили очень сильное. Я вдруг подумал, как скуч-

но, должно быть, такой очаровательной женщине в этой глуши – неудивительно, что она так увлечена театром!

Я робел и путался в ответах. Особенно часто спотыкался на словах «ваше превосходительство», которые почему-то вставлял то и дело, и в конце концов хозяйка приказала – именно что приказала! – мне называть ее Эльвирой Михайловной.

Я с восторгом подчинился. Ну, первое дело, повторюсь, мне еще не приходилось быть в такой короткости с сильными мира сего. Кроме того, эта женщина рождена была властвовать людьми и их сердцами. Что скрывать – я влюбился в нее с первого взгляда, но, конечно, понимал, что это навеки останется влюбленностью пажа в королеву. Ну что ж, для начала я решил ни в коем случае не выдавать своих чувств, чтобы не показаться смешным.

Собственно, говорили мы только о делах. Для начала Эльвира Михайловна посоветовала мне съехать из гостиницы и сыскать квартиру в городе.

– Не то разоритесь у этого Яаскеляйнена, он с проезжающих, по слухам, три шкуры дерет, – сказала она. – У любой, самой жадной старушки комната дешевле, да еще и со столом.

– А кто такой Яаскеляйнен? – удивился я. – Неужто хозяин гостиницы? Так он финн?! Я бы скорее принял его за жителя южных наших губерний. Неужто бывают черноволосые и черноглазые финны?

– Среди жителей Похьёлы было много черноволосых, черноглазых и смуглых, – сказала Эльвира Михайловна, и глаза ее неприязненно сузились, но, увидав мое поглупевшее от изумления лицо, она рассмеялась чудесным, чарующим смехом. – В старинных карельских сказаниях Похьёлой называется северная часть Финляндии, Лапландия. Там издавна жили самые страшные и самые искусные колдуны.

«Ее превосходительство без ума от этих сказок!» – вспомнились мне слова казначея. Сердце мое заколотилось. Что и говорить, в этом слове – «Похьёла» – было что-то пугающее и безмерно волнующее. Совсем как в том ощущении, с которым я проснулся нынче ночью.

На самом деле это было предчувствие, случайно озарившее меня, и если бы я тогда дал ему волю...

Но этого не случилось.

Мы продолжали разговор о театральных делах, и я узнал, что любительские спектакли организуются, как в профессиональном театре: ежемесячно премьеры, никаких заминок или сбоев. Эта прелестная женщина держала театр в ежовых рукавицах. Нет, в самом деле, попробуйте-ка отказаться от роли, если она назначена вам ее превосходительством, или опоздать на репетицию, если расписание скреплено ее же подписью!

Я решился спросить, правда ли, что есть в Петрозаводске некий доморощенный драматург, который мечтает о постановке своих пьес.

– Ах, Карнович! – сделала очаровательную гримаску Эльвира Михайловна. – О да! Он носитя с вариацией расиновской «Федры».

– Расин?! «Федра»?! – ужаснулся я, почему-то сразу вспомнив рассказы одного ветхозаветного старожилы, который видал еще Екатерину Семенову в этой роли и доводил до истерического хохота всех желающих (и нежелающих!) слушать своими попытками изобразить ее в особенно патетических монологах.

– Да, вы не напрасно испугались, – вздохнула Эльвира Михайловна. – Правда, это весьма осовремененная версия «Федры» – она так и называется: «Новая Федра» – и, противу классике, зеркально отраженная, если так можно выразиться. Я имею в виду, что наш драматург изобразил Федру непреклонной и добродетельной супругой Тезея, ну а Ипполит, напротив, всячески домогается ее, а потом, не добившись своего, клеветает на нее – и погибает, проклятый Тезеем.

– Это весьма смело, – только и смог выговорить я, удивляясь, почему Эльвира Михайловна так покраснела. И вдруг я понял...

В образе неумолимой, добродетельной Федры Карнович изобразил ее прекрасное и неумолимое превосходительство, а в образе Ипполита – себя, влюбленного в нее!

По выражению моего сконфуженного лица Эльвира Михайловна поняла, что я все угадал, и с трудом удержалась от

смеха.

– Сами понимаете, – сказала она с шутливой серьезностью, – что ничего подобного я допустить на сцену не могу. Конечно, моему мужу – а он весьма умен и прозорлив! – будет приятно узнать, что Федра любит немолодого Тезея, однако сознавать, что вокруг ее юбок, вернее, столы и инститы¹, безнаказанно увивается какой-то бесстыжий Ипполит, ему вряд ли будет приятно. За себя Федра не боится, зато участь Ипполита может быть печальной. Тезей, видите ли, покровительствует ссыльным... о, разумеется, не политическим... – в голосе Эльвиры Михайловны прозвучала брезгливость, – тем, кто слегка порастратился на казенный счет или впал еще в какие-то незначительные должностные грешки. Он устраивает их здесь на тепленькие местечки, скажем, Карновичу весьма уютно в роли заведующего канцелярией. И если у него недостает ума самому позаботиться о себе, мне приходится печься о том, чтобы Тезей не лишился хорошего работника лишь потому, что тот чрезмерно много о себе вообразил.

Я слушал Эльвиру Михайловну, восторгаясь ее насмешливым умом, ее очаровательной речью, столь не похожей на речь известных мне светских дам, – и в то же время прощался с последней надеждой привлечь ее внимание. Ах... не дай

¹ Стола (*лат.*) – в Древнем Риме женская одежда типа хитона с рукавами или без них, с пришитой по подолу инstitой; надевалась поверх туники. Инstitа (*лат.*) – в VIII–V вв. до н. э. в Древнем Риме плиссированная оборка, пришиваемая к подолу столы.

бог «чрезмерно о себе вообразить» – лишусь не только работы, но и ее общества!

Стыдясь, что не смогу скрыть волнения, я подошел в окно и уставился в парк, делая вид, будто некий шум, раздавшийся внизу, привлек мое внимание. К моему изумлению, там в самом деле происходило нечто странное. Из полосатой будки часового (такая будка стояла у ворот губернаторского парка) выскочил охранник с ружьем наперевес и преградил путь женщине в большом клетчатом платке, покрывающем ее чуть ли до пят.

Она пыталась пройти, она показывала на дом, но солдат качал головой и норовил отогнать ее подальше.

– Что там происходит? Куда вы смотрите? – спросила Эльвира Михайловна, подходя ко мне и касаясь моего плеча пышным рукавом своего платья. Сладостный аромат коснулся моего обоняния... словно в тумане, смотрел я, как женщина внизу подняла голову и с мольбой уставилась на окна верхних этажей губернаторского дома, на то окно, за которым стояли мы с прекрасной и недосыгаемой «Федрой»...

«Да ведь я видел эту самую девушку вчера в гостинице!» – мелькнула – нет, вяло, полусонно проплыла в моей голове мысль.

– Чего она хочет? – удивилась Эльвира Михайловна. – А ну-ка, отворите окно, господин Северный, я спрошу.

– Умоляю, называйте меня Никитою... Львовичем... – едва выговорил я, понимая, что ничего так не желал бы, как

услышать свое имя из этих прелестных уст.

– Конечно, конечно, – уступчиво проговорила она, – да раскройте же окно!

Я схватился дрожащими руками за створки, однако они были накрепко законопачены и заклеены вошеной бумагой для тепла.

– Ах, не стоит, – разочарованно вздохнула Эльвира Михайловна. – Поздно, она уже убежала. Интересно, чего ей было нужно?

– Вам это и правда интересно? – спросил я с нежностью, пораженный ее великодушием по отношению к неизвестной девушке.

– Вы же должны понимать, – сказала она тоном капризного ребенка, – что жизнь наша здесь удивительно однообразна, поэтому радуешься самомалейшему развлечению.

Развлечению? Я вспомнил, с каким отчаянием рыдала вчера эта девушка, как только что рвалась в губернаторский дом, как отгонял ее ружьем солдат... ах, бедняжка мечтала получить помощь у женщины, для которой она и ее беды – всего лишь развлечение!

Итак, Эльвира Михайловна с ее равнодушием к живым людям и самозабвенной любовью к театру была совершенно такой же, как все виденные мною прежде высокопоставленные дамы, которые искали на сцене чужих, выдуманных страданий, потому что сами жили не страдая...

Сердце мое дало изрядную трещину. И Эльвира Михай-

ловна, которая, как я потом узнал, обладала непостижимой чувствительностью, мгновенно почувствовала перемену в моем настроении. Она отошла от меня и официальным тоном сказала:

– А теперь, господин Северный, давайте поговорим о первом спектакле, который вы будете ставить. Мне бы хотелось, чтобы это было «Горе от ума» господина Грибоедова. Первая репетиция состоится завтра. Все актеры мною будут оповещены. Вы должны будете представить ваш план постановки.

– Слушаюсь, ваше превосходительство, – отчеканил я.

Наши дни

Алёна слетела по лестнице, распахнула дверь на улицу – и, суматошно оглядевшись, увидела метра в двадцати приметную куртку. Однако ее обладатель удалялся весьма проворно. Алёна уже открыла было рот, чтобы закричать что было сил: «Данила!» – однако вовремя спохватилась, что имени его ей знать вроде бы неоткуда. Если парень заметил ее в магазине – а редко кто не замечал Алёну Дмитриеву, тем паче особи противоположного пола! – то запросто может догадаться, что дамочка подслушала его довольно-таки криминальный разговор. И тогда... читывали, читывали мы детективы, слава богу, в курсе, что происходит с теми, кто слишком много знал! Ни в какие опасные дела мешаться у Алёны охоты совершенно не было. Так что кричать она не стала, а молча кинулась догонять Данилу со всех ног, поскольку он уже подходил к перекрестку улиц Белинского и Ижорской, а на светофоре догорал красный. Время зеленого света здесь истекало очень быстро, а потом по Белинке вновь устремлялся ревущий поток. Вот перейдет Данила на ту сторону – и поминай как звали! Поэтому Алёна прибавила скорость. Однако она забыла о коварстве снега, скрывавшего нечищенные тротуары. И, понятное дело, поскользнулась, и, понятное дело, так и поехала-поехала-поехала, силясь сохранить свой эквилибр, как сказали бы французы, но этот самый эк-

вилибр – штука весьма непостоянная и неуловимая, потерять его легко, а поймать ох как трудно... Вот и Алёна его потеряла – и упала бы непременно, когда б не налетела на пахнущую скипидаром спину Данилы.

Толчок был так силен, что парень пошатнулся и... и, видимо, тоже ступил на лед, потому что и его эквилибр оказался утрачен. В попытках поймать его Данила сделал странный кульбит, однако напрасно: все же грянулся в сугроб. Сбившая же его Алёна неведомым образом удержалась на ногах.

– Мать честная, – зло сказал Данила, глядя на нее снизу вверх, – держаться на ногах нужно!

Алёна удивилась такой самокритичности и сочувственно пожала плечами:

– Да с кем не бывает!

– Ничего себе, – сердито проговорил Данила, не без труда поднимаясь. – Да вы на меня налетели, как танк! Хотя бы извинилась!

В принципе он был прав, однако писательница Дмитриева – дама довольно злопамятная и ехидная, поэтому не преминула показать норов и с самым невинным видом ляпнула:

– Вообще-то я с вас беру пример.

Данила зыркнул удивленно:

– Это в каком же смысле?

Ничего себе! Так он даже не заметил, как недавно сбил в снег женщину, и не просто женщину, а даму, можно сказать, и не просто даму, а красавицу, писательницу, детективщи-

цу, распутывательницу и запутывательницу... ну и все такое! Немудрено, что Алёна обиделась и обиду свою скрывать не стала:

– А припомните, минут двадцать назад вон там, на том перекрестке, вы сшибли в сугроб женщину с шестью сумками и даже не оглянулись?

– С шестью?! – ужаснулся Данила. – Нет, правда?! А вы уверены, что это я? Потому что под тяжестью шестью сумок немудрено упасть и без посторонней помощи!

– Не обольщайтесь, – сухо сказала Алёна. – Она упала с посторонней помощью, а именно – с вашей. Вашу куртку ни с какой другой не перепутаешь. Это были вы!

– А вы что, теперь за нее, ну, за эту женщину, мне отомстили? – удивился Данила.

– Почему за нее? – удивилась и Алёна. – Если уж на то пошло, мстить мне следовало бы за себя, потому что это была я, но месть тут ни при чем, на вас я налетела совершенно случайно. Просто поскользнулась – ну и...

– Про то, что я вас сшиб на том перекрестке, вы прямо сейчас придумали? – хмыкнул Данила.

– С чего вы взяли?

– А где же ваши сумки? В снег закопали и побежали меня догонять? И что вы делали в «Видео»?

Ух ты, глазастый какой!

– Икала пылесборники для своего «Самсунга», – с невинным видом ответила Алёна. – Мне предлагали какую-то уни-

версальную модель, но я решила уточнить номер моего пылесоса.

– И с такой скоростью помчались его уточнять? – хохотнул Данила.

– Вообще-то я гналась за вами, – решила прекратить это затянувшееся словоблудие Алёна.

– Ага, все же месть, – вздохнул Данила. – Или... что-то иное?

Вот наглец! Как заиграл глазом! Конечно, парень симпатичный, слов нет, и как раз в том возрасте, представители которого весьма чувствительны к чарам так называемых взрослых дам – а ведь Алёна, к слову сказать, принадлежит к их числу, – и отлично знает о том, что представители его возраста у взрослых дам весьма пользуются успехом, и в других обстоятельствах, может быть, Алёна с охотой поиграла бы с ним глазами, а может, и не только...

Но слишком уж он оказался самоуверен. Не вредно такого и обломить немножко.

– Конечно, иное, – улыбнулась наша героиня. – Вообще-то, я хотела спросить, как найти вашего брата.

Данила покачнулся, и Алёне показалось, что он сейчас упадет. Она даже схватила его за рукав, но он сам удержался на ногах и высвободился так резко, что теперь потеряла равновесие она. Но Данила даже попытки не сделал помочь прекрасной даме. Поэтому она довольно увесисто шлепнулась на то место, на которое обычно шлепаются

все и для обозначения которого существует множество эвфемизмов. Данила быстро склонился к ней, однако совсем не для того, чтобы поднять!

Он с ненавистью глянул в Алёнины изумленные глазищи и выдохнул:

– Держись от меня подальше! И про брата моего даже думать забудь, если жить хочешь! Он из-за таких, как ты, в могиле лежит. Поняла, кретинка? Залезь в свой пылесос и сиди там!

И с этим совершенно несусветным пожеланием он ринулся через Белинку почти в ту самую минуту, когда зеленый сигнал светофора сменился красным и поток стремительно несущихся в обе стороны машин отрезал его от Алёны, сделав дальнейшее преследование невозможным.

Совершенно ошарашенная, она сидела на снегу и даже не слышала обращенных к ней сочувственных вопросов и восклицаний:

– Девушка, что с вами? Что вы сидите? Вы можете встать? Неужели она ногу сломала? Наверное, головой ударилась, не отвечает...

Последняя реплика достигла слуха Алёны, и она медленно закопошилась, пытаясь подняться. Несколько рук подхватили ее и поставили на ноги. Все же свет не без добрых людей!

– Вас проводить? – предложил какой-то темноглазый, смуглый, в черном куце пальтишке.

– Спасибо, – качнула головой Алёна. – Ничего, я сама...

В темных глазах блеснуло разочарование, но сейчас Алёне было не до общения с противоположным полом. Хватит! Наобщалась только что! Пока довольно!

И она побрела в сторону дома, иногда оглядываясь, словно опасалась, что Данила вдруг да вздумает ее преследовать. При этом она прекрасно понимала, что Данила с крейсерской скоростью несется своей дорогой, иногда оглядываясь, словно опасаясь, что докучливая дамочка не пожелала залезть в свой пылесос и вдруг да вздумала его преследовать.

Ну, он мог быть спокоен по обоим пунктам! Алёна сейчас хотела только поскорей добраться до дому. Закрыться на все замки, задернуть шторы, забиться в любимое кресло, погасить верхний свет, включить бра и хорошенько все обдумать.

Дела давно минувших дней

На первую встречу со своей трупой и первую репетицию назавтра я отправился уже не из гостиницы Яаскеляйнена – еще с вечера я сменил место жительства и поселился у почтенной дамы по фамилии Паасилинна. Мне так понравилась эта фамилия, что я даже не хотел знать имени и отчества своей квартирной хозяйки. Впрочем, в этих краях принято обращение по фамилии.

Айти Паасилинна, то есть матушка Паисилинна, как мне велено было ее называть, с первой минуты нашей встречи отнеслась ко мне истинно по-матерински. Поселила она меня в большой, светлой, просторной комнате – в подобной я никогда не жывал! А как госпожа Паасилинна меня кормила... По утрам кофе с густыми сливками, чудесное масло, горячие пирожки. На обед гусь, цыпленок, красная рыба из Онежского озера. Сытный ужин. Чай с вареньем и всяческим печеньем... За всю свою жизнь я не знал, что значит вкусно и сытно покушать, я еще никогда не имел ежедневного обеда, а тут – истинное пиршество гастронома. Вот это жизнь! «Но надолго ли?» – суеверно думал я, привыкший к превратностям судьбы.

Впрочем, ничто не предвещало беды. С трупой у меня с самого начала установились наилучшие отношения, народ подобрался истинно талантливый, иные по-любительски, а

иные почти профессионально, и репетиции шли весьма слаженно, обещая успешную премьеру. Госпожа губернаторша на них присутствовала непременно.

Тут я должен кое в чем признаться. Хотя мне было предписано ее превосходительством представить план постановки, я этого плана не имел. Ведь я в жизни не пробовал себя в режиссуре! Но признаться в этом было никак нельзя, поэтому я усиленно пытался вспомнить единственную постановку «Горя от ума», которую видел. Но напрасно старался. Тогда я решил создать свои мизансцены.

Ох, фантазировал я, как мог! Помнится, однажды, когда репетировали второй акт, сцену обморока Софьи, я приказал исполнительнице:

– Падайте, Елизавета Петровна!

– Куда? – удивилась она. – Куда же падать?!

– Как куда? На пол, на ковер.

Она послушно и очень изящно упала. Чацкий опустился перед ней на колени, обмахивал опахалом, потом поднял с помощью Лизы и уложил на кушетку.

Всем очень понравилось! Но тут подал голос Карнович – тот самый несостоявшийся драматург, автор «Новой Федры». Надо сказать, что этот смазливый молодой человек с внешностью первого любовника единственный из всей труппы с первой минуты отнесся ко мне неприязненно, и неприязнь эта не проходила.

В нашем спектакле играл он Молчалина – томного и лжи-

вого. И вот он процедил, небрежно полируя ногти кусочком замши (это было его любимое занятие как в жизни, так и на сцене: дай ему волю, у него и Гамлет бы ногти полировал, читая свой знаменитый монолог!).

Итак, Карнович подал голос:

– Позвольте! Я москвич и много раз видел «Горе от ума» в Малом театре: там Софья падает в кресло.

Вся труппа уставилась на меня выжидательно. Я спиной чувствовал взгляд губернаторши, которая сидела в зрительном зале, в первом ряду партера. Этот взгляд ободрил меня, и я отрезал:

– Да, я знаю московскую постановку, но в Петербурге не так. Там Софья падает на пол, это считается очень оригинальным. Впрочем, если желаете, эту сцену можно разыграть и по-московски.

– Нет-нет! – звонко выкрикнула госпожа губернаторша. – Нет-нет, пожалуйста, давайте играть оригинально, по-петербургски!

Не могу описать, какой восторг переполнил мою душу в эту минуту, какую любовь я вновь ощутил к этой чудесной женщине!

Карнович поджал губы. Я почувствовал, что нашим отношениям никогда не наладиться. Но это меня ничуть не волновало! Главное было то, что Эльвира Михайловна, милая, чудесная Эльвира открыто приняла мою сторону!

В таком восторженном состоянии я пребывал до тех пор,

пока мы не дошли до третьего акта – приема у Фамусова. Сначала все шло довольно стройно: гости один за другим выходили на сцену, как вдруг из зала вновь раздался мелодичный голос Эльвиры Михайловны:

– Никита Львович, а разве здесь не будет докладов?

– Каких докладов, Эль... э-э, ваше превосходительство? – изумился я.

– У нас всегда докладывают на балу о прибывших гостях.

Я пробовал было возразить, что нельзя ломать стихи классической пьесы Грибоедова вводными докладами без размера и рифмы, но губернаторша меня не слушала.

Пришлось уступить. И на репетиции, и на каждом спектакле на балу появлялся почетный слуга в ливрее (к слову сказать, это был настоящий лакей – из губернаторского особняка) и провозглашал:

– Пожаловали госпожа Горич. Князь Тугоуховский с супругой!

И так далее.

Наши дни

К сожалению, исполнить все задуманное не удалось, потому что позвонил Дракончег.

Это была, с позволения сказать, плотская слабость писательницы Дмитриевой. В смысле, был, потому что означенную слабость Алёна питала только к персонажам мужского пола.

На самом-то деле его звали Александром, но Алёна предпочитала называть своего милого друга Дракончегом, потому что они оба были Драконами согласно восточному гороскопу, правда, далеко не однокотки. Алёна родилась на свет гораздо раньше своего любовника. Впрочем, они оба ничуть не смущались. Их привязывало друг к другу неодолимое влечение, утоление коего доставляло обоим немалое наслаждение. Ради этого Дракончег частенько, под разными благовидными и неблагоприятными предложениями, смывался из дому (он был женат) и бросался к своей легкомысленной подруге. Правда, в последнее время что-то изменилось в их отношениях... причем не к лучшему. Да нет, не охладели они друг к другу, но если раньше это была восхитительная взаимная страсть без всяких обязательств и попреков, то теперь эти самые попреки вдруг стали практически постоянными. И дело состояло не только в том, что Дракончег был патологически ревнив к каждому встречному и поперечному столбу, а по-

сколько он практически мало что знал о жизни своей подружки (она женщина загадочная и таинственная во всех отношениях), ревность отягощалась вечной неизвестностью: где она, что с ней, вернее, кто... Этого мало. Дракончег вдруг начал упрекать Алёну за ту неодолимую тягу, которую к ней испытывал! И если прежде его песнопения на тему почти наркотической зависимости от ласк нашей героини были полны восторга и умиления, то теперь в них все чаще и чаще сквозило нескрываемое раздражение. Алёна еще помнила время, когда была отчаянно, до одури влюблена (отнюдь не в Дракончег), и уж ее-то наркотическая зависимость от некоего молодого человека по имени Игорь была вообще сродни безумию, но помнила она также злость на себя и почти ненависть к Игорю, которые охватывали ее, когда всеми силами она пыталась забыть его, освободиться от его власти над ней. Теперешнее поведение Дракончег напоминало Алёне ее тогдашнее. Получалось, он тоже хочет освободиться? Но почему? Влюбился, что ли, в кого-нибудь и тяготится старой связью? Но Алёна никогда не обольщалась мечтами о нерушимой верности Дракончег и просто старалась не думать о его жене, с которой он еженощно, а то и днем – и не единожды, при его-то темпераменте! – спит. Семья семьей, а секс на стороне некоторым мужчинам просто необходим, это Алёна с помощью Дракончег усвоила очень хорошо. И некоторые женщины, в мужья которым достаются подобные ему секс-машины, должны, строго говоря, благодарить ненавязчивых

любовниц, с которыми их неутомонные мужья порою тешат свою плоть: ведь не всякая жена готова беспрестанно удовлетворять потребность своего мужа в оголтелом, разнузданном сексе и давать ему не только удовлетворение, но и пресыщение – хотя бы на некоторое время.

Судя по некоторым случайным обмолвкам Дракончег, жена его была чудесной женщиной, но холодноватой в постели. Может быть, просто потому, что притомилась исполнять свои супружеские обязанности. Ну а Алёна Дмитриева холодноватой не была, вот уж нет, – может быть, просто потому, что супружеских обязанностей не исполняла по причине отсутствия супруга, – а оттого всякое свидание с Дракончегом было сладостным забвением для них обоих, бурным утолением плотского голода. И вот, оказывается, это стало раздражать Дракончег. С некоторых пор ночных свиданий Алёна ждала чуть ли не со страхом, как, впрочем, и звонков, потому что упреки типа «ты превратила меня в сексуального наркомана» сыпались и по телефону.

Однако сейчас голос Дракончег звучал весьма миролюбиво и нежно.

– Не получится сегодня, – сказал он печально. – *Она* сегодня в ночь работает, а бабуля заболела, за ребенком некому присмотреть, если я уеду.

Свою жену Дракончег называл только «она», а ребенка – только «ребенком». Алёна даже не знала, сын у него или дочь, не знала, как зовут «ее», где она работает. У обоих не

имелось ни малейшего желания углубляться в детали его семейной жизни.

– И завтра тоже не получится, – продолжал он. – Завтра работаю я.

– Ночью? – изумилась Алёна. – Вроде бы после десяти вечера алкоголем теперь не торгуют.

Дракончег работал в какой-то крупной виноторговой фирме и был занят по горло с утра до вечера.

– Да я новую работу нашел, дополнительную, – пояснил он. – Помнишь, на курсы ходил?

Было дело, он как-то обмолвился насчет каких-то курсов, но, как всегда, ни сам, ни Алёна в детали вдаваться не стали.

– И вот завтра первый день, вернее, первая ночь моего дежурства. Работаю ночь через две.

– С ума сойти! – ужаснулась Алёна. – Так ты теперь практически не сможешь из дому вырваться!

– Да как-нибудь, – уклончиво ответил Дракончег, и вдруг Алёна подумала: а может, эту новую ночную работу он нашел – или вообще придумал!!! – именно для того, чтобы не оставалось времени на свидания с ней? Алёна обидчива и нетерпелива, Дракончег это прекрасно знал, она не потерпит пренебрежения к себе, запросто даст ему от ворот поворот... а что, если он именно этого хочет? Сам разорвать их связь не в силах, вот и возложил это на ее хрупкие женские плечи? Ну...

– Ну, завтра я тоже не могу, – со всем возможным равно-

душием сказала Алёна. – У моей подруги день рождения, мы идем в ресторан.

– В какой? – насторожился Дракончег.

– Да вроде бы в «Визард».

– А ты что, не знаешь?

– Знаю. Я же говорю – в «Визард».

– Нет, ты говоришь – вроде бы!

– Ну, просто так сказала. В «Визард», в «Визард», а тебе-то что?

– Да совершенно ничего, – небрежно отозвался Дракончег. – Ресторан хороший, музыка и еда отличные, но мужской стриптиз там хреновый.

Ага! Алёна невольно улыбнулась. Кажется, Дракончег снова в своем репертуаре.

– Ну что ж, – подлила она масла в огонь со свойственным ей ехидством, – мужской стриптиз – это интересно. Если ты лишил меня удовольствия видеть, как раздеваешься ты, буду смотреть, как это делает другой красавчик.

– Не сомневаюсь, что тебе только это и нужно, – хмыкнул Дракончег. – Наверное, ты бы с удовольствием поглядела, как раздевается тот парень, рядом с которым ты так интимненько сидела в снегу на перекрестке Белинки и Ижорской.

– Что? – изумленно воскликнула Алёна. – А ты откуда... а ты как... а ты почему...

– Мимо проезжал, – хихикнул Дракончег.

– И что не вышел, не протянул мне руку помощи?

– Ну, я не один ехал, это раз, а во-вторых, тебе и без меня хорошо было. Ну ладно, чао.

И Дракончег отключился.

Алёна с сомнением посмотрела на трубку. Все это как-то странно... Интимненько сидела в снегу... мимо проезжал... не один ехал... Разговор не просто как с чужим – как с опостылевшим человеком. А впрочем, Алёне, видимо, пора смириться с тем, что это несколько затянувшаяся страница ее жизни должна быть перевернута. Сколько длится их связь? Года три? Ну, не рекордный срок, конечно, однако достаточно долго. Пора, как говорится, кончать. А делать это следует вовремя. Супругам нужно расставаться до того, как они начали швырять друг в друга сковородками, а любовникам – до того, как они начали швырять друг в друга пошлыми мещанскими оскорблениями. А поскольку они уже где-то на подступах, значит...

Алёна вздохнула, и во вздохе этом таилась немалая печаль. Прелестный выдался роман, а как любовник Дракончег просто невероятен. Разумеется, она не станет проливать о нем слез, у нее, как у карточного шулера, – запасная карта в рукаве, всегда имелся в запасе другой кавалер, но все же... все же!

Чтобы не печалиться, она решила уснуть. Однако Дракончег не вылетал из головы. Тогда Алёна попыталась утешить себя мыслями о том, что случается всегда то, что должно случиться. Но это как раз не помогло, а еще пуще опечалило.

Тогда Алёна покрепче зажмурилась и начала придумывать новый роман. Это, как всегда, действовало безотказно — сон мигом налетел и унес ее в свои зачарованные края. Только в самую последнюю минуточку, уже за пределами яви, она успела вспомнить о Даниле, о том, что намеревалась обдумать эту странную историю, но все, поздно, Алёна спала.

Дела давно минувших дней

Этим же днем случилось происшествие, положившее начало той цепи непонятных случаев, которые выковала для меня судьба. Впрочем, начало-то было положено еще в мой первый же вечер в Петрозаводске...

Да не суть важно.

Итак, репетиция «Горя от ума» прошла успешно, всеми (за исключением Карновича, да и бог с ним!) было признано мое право ставить такие мизансцены, какие мне заблагорассудится. Мы начали расходиться, я задержался на крыльце, беседуя с очень милой и приветливой актрисой-любительницей Елизаветой Петровной Ивановой, дочерью здешнего преподавателя математики в мужской гимназии, и с «героем» Василием Васильевым, из ссыльных политических, очень представительным и талантливым человеком, которому, конечно, только из-за этого таланта и дозволено было войти в труппу: он некогда был на вторых ролях в Самаре и считался здесь почти профессиональным актером. Даже не признаваясь себе в этом, я тянул болтовню в надежде, что вот-вот выйдет Эльвира Михайловна. И дождался-таки! Она вышла в прелестной белой шубке, улыбнулась нам всем, потом взглянула на меня... в этот миг крикнули, что санки ее превосходительства готовы...

Мне показалось, она хотела что-то сказать кроме просто-

го «прощайте, господа, до встречи завтра», но удержалась, кивнула и начала спускаться. Я кинулся подать руку... вышедший вслед за нею из театра Карнович попытался опередить меня, мы столкнулись и оба грохнулись к ногам владычицы наших сердец.

Она засмеялась, вслед за ней и Елизавета Петровна. Мы кое-как поднялись со скользких ступенек, потирая ушибленные бока и глядя на друга по-волчьи... и вдруг из-за санок выскочила какая-то женщина. Я сразу узнал этот клетчатый платок, эту голову с необыкновенно светлыми, соломенными волосами.

– Нув@д@ ем@д@нт@д@ аруа! – крикнула она на непонятном языке. – Oma vauva kuolee!

– Что она говорит? – удивился я.

– Не понимаю, – пожал плечами Васильев. – Я здешнюю речь почти не понимаю. «Нув@д@ ем@д@нт@д@» – это вроде добрая госпожа. А дальше не знаю.

– Еще не хватало эту тарабарщину знать, – фыркнул Карнович.

– «Добрая госпожа, помогите! Мой ребенок умирает!» – вот что она сказала, – перевела Елизавета Петровна. Я не удивился, что она поняла слова незнакомки: еще накануне репетиции она обмолвилась, что прожила в Петрозаводске всю жизнь, и среди местных жителей у нее были друзья.

Эльвира Михайловна, которая все это время молча смотрела на девушку, вдруг кивнула и двинулась к ней. В первую

минуту мне показалось, что она тоже не поняла слов и ждала перевода, но тут же услышал ее голос, звучавший очень спокойно и ласково:

– Ei tarvitse itkeä. Kerro kaikki. Autan sinua.

– Ее превосходительство говорит: «Не надо плакать! Я помогу тебе. Расскажи мне все!» – прошептала Елизавета Петровна.

– Госпожа губернаторша знает по-фински?! – изумился я.

– Да, ее учил друг моего отца и очень удивлялся ее памяти и способностям, – сказала Елизавета Петровна.

Эльвира Михайловна и девушка-финка говорили очень тихо, и, хотя всем хотелось знать, о чем идет речь, все считали неловким к ним приближаться.

Наконец девушка согнулась в поклоне, таком низком, что показалось, будто она хочет упасть Эльвире Михайловне в ноги, но губернаторша ее удержала и крикнула:

– Ефрем Данилыч!

Кучер соскочил с козел и приблизился:

– Чего изволите, ваше превосходительство?

– Голубчик Ефрем Данилыч, – сказала губернаторша, – свези эту девушку – ее зовут Синикка Илкка – к господину Леонтьевскому и передай, что я велела с ней поехать к ней домой и сделать там все, что потребно, с тем же прилежанием, как если бы он ради меня старался.

– Антон Никодимович Леонтьевский – доктор, который губернаторскую семью пользуется, – прошептал Карнович с

видом посвященного. – Ну и ну, сколь же милостива ее превосходительство к недостойным!

Елизавета Петровна и Васильев что-то пробормотали одобрителное, а я не мог исторгнуть из своей груди ни звука. Дай я себе волю, мог бы только что-то невразумительно-восторженное прокричать.

Как я мог ее осуждать, как я только мог! Судить надо по делам, а не по словам, и сейчас Эльвира Михайловна, прекрасная, несравненная Эльвира делом доказала, что достойна даже не любви, а обожания. Впрочем, сделала она это по доброте душевной, доказывать ей было некому, не мне же, глупцу ничтожному!

Губернаторские санки увезли девушку, которая все еще плакала, но теперь – от радости.

– Ну вот, господа, – сказала Эльвира Михайловна, пожимая плечами и улыбаясь, – теперь я принуждена идти домой пешком. Какой ужас, верно?

Мы все расхохотались, и она первая – прежде всего потому, что до губернаторского дома оставалось какая-то осьмушка версты², и, понятное дело, путь этот проделывался губернаторшей в санках исключительно заради важности.

– Так или иначе, кому-то из вас придется меня проводить, – задумчиво сказала Эльвира Михайловна. – Кто возложит на себя эту тягостную обязанность?

При этих словах выражение у нее было самое комическое.

² Чуть больше ста метров.

Мы расхохотались и все разом шагнули вперед.

– Ну нет, не люблю гулять толпой, – усмехнулась Эльвира Михайловна. – Скажите, Никита Львович, вас не очень затруднит со мной пройтись?

Я просто обомлел и от нежданно свалившегося на меня счастья – она избрала меня! – и слова не мог молвить.

– Кажется, Северный колеблется, – насмешливо сказал Карнович. – Дозвольте мне, Эльвира Михайловна!

А! Так ему тоже дозволено называть ее запросто?!

Ревность ожгла меня, точно кнутом, и заставила сдвинуться наконец с места.

– Нет! Я не колеблюсь! – выкрикнул я, рванувшись вперед. – Просто ошеломлен оказанной честью. Позвольте предложить вам руку, ваше величество... то есть ваше превосходительство!

Эльвира Михайловна покраснела и улыбнулась при моей обмолвке, а Карновича отчетливо перекосило.

– Я бы хотела поговорить с вами о следующей постановке, – сказала Эльвира Михайловна. – Есть такая пьеса господина Шпажинского «Чародейка». Она чуть не во всех театрах идет, я читала и слышана. Что бы нам ее не поставить? Чем мы хуже? А впрочем, пойдемте, – она взяла меня под руку. – Прощайте, господа.

Мы пошли. Один раз я оглянулся. Елизавета Петровна с Васильевым тоже удалились, однако Карнович все еще стоял на крыльце театра и смотрел нам вслед.

Больше я не оглядывался, но еще долго – мы шли очень медленно! – чувствовал его взгляд спиной.

– Кажется, – тихо сказала Эльвира Михайловна, – я со-служила вам дурную службу. Карнович весьма злопамятен.

– Да что мне Карнович! – хвастливо усмехнулся я, а потом вдруг, словно голову потеряв, спросил нескромно: – А что, у него есть основания быть злопамятным?

– Не более того, что он себе возомнил, – твердо сказала Эльвира Михайловна, и я почувствовал себя счастливым. – Карнович – человек с фантазиями... как, впрочем, и все творческие люди.

Я воспринял это как предостережение, и эйфорический восторг мой несколько спал. Я постарался переменить опасную тему:

– Вы необыкновенно добры к этой бедной девушке. Отчего она кинулась к вам? Разве здесь нет врачей, кроме вашего личного доктора?

– Отчего же, есть. Есть повивальные бабки, знахарки, фельдшер, есть доктор в больнице. В прошлом, прежде чем получить в наследство от дяди гостиницу и сделаться ее хозяином, был фельдшером, к тому же очень умелым, и известный вам Яаскеляйнен. Насколько я знаю, он и сейчас иногда втихаря практикует. Беда в том, что все они – финны. А потому ни за что не хотят лечить ребенка бедняжки Синикки.

– Как-то странно. Она ведь тоже финка.

– В том-то и беда, – вздохнула Эльвира Михайловна. –

Она финка, и она грешна... у нее ребенок от родного брата.

Наши дни

Зоя – так звали Алёнину подругу, у которой был день рождения, – позвонила с утра пораньше. Она знала гениальную рассеянность нашей героини и сочла необходимым напомнить: вечеринка состоится именно сегодня, не завтра или послезавтра, а сегодня! Прибыть следует к восьми часам вечера в ресторанчик «Зергут», который находится на улице Ванеева, чуточку не доезжая до Кардиоцентра.

– Ага, конечно, я помню, – кивнула Алёна, но вдруг спохватилась: – Как «Зергут»? Вроде же был «Визард»?

– Алёна, ты опять все перепутала, – сокрушенно вздохнула Зоя. – Какой «Визард»? Мы с самого начала собирались в «Зергут»! Это очень приличный пивной клуб.

«Пивной клуб?!» – чуть не возопила наша героиня, которая ненавидела пиво, но вовремя прикусила язык: дареному коню... и все такое.

– Я помню, что ты терпеть не можешь пиво, – хихикнула догадливая Зоя. – Но вино там тоже хорошее. А мясо – только что поджаренное прямо на твоих глазах...

Алёна усмехнулась невыносимым приколам русского языка, но углубляться в любимую лингвистику не стала, просто дала слово, что ничего не перепутает и ровно в восемь будет в «Зергутах», простилась с Зоей – и очень кстати вспомнила, что на день рождения надо приходить с подарком.

Глупо, конечно, но Алёна многие дела оставляла напоследок. Повелось это с тех времен, как она, еще в студенчестве, готовилась к экзамену в последнюю ночь. Да так и осталось пожизненно: романы свои она тоже дописывала в последние часы и даже минуты, зная, что там, в Москве, в любимом издательстве «Глобус», ее уже поминает злым, громким словом редактор, у которого срывается план из-за несобранной, ленивой, необязательной писательницы Дмитриевой...

Алёна подумала, что искать подарок – это вам, товарищи, не романы писать, надо подойти серьезно. Зою она очень любила – и за ее лучшие, как принято выражаться, человеческие качества, и за то, что она была, так сказать, личным косметологом Алёны Дмитриевой, которая свою уникальную красоту лелеяла весьма трепетно и не жалела на это никаких денег – в тех пределах, понятно, какие ей отпускали издатели. Зоя была женщина практичная и романтическая враз. Ну, практичные подарки ей всегда дарят Коля с Надей, старинные друзья семьи, а вот романтические оставались как бы привилегией писательницы Дмитриевой. А что может быть романтичней красивой бижутерии? Да ничего!

Алёна мысленным взором окинула окрестности. В «Клеопатру» идти нет совершенно никакой охоты, вдруг нарвешься на неприятную продавщицу, как ее там звали... Раиса Федоровна, кажется. О, в «Шоколаде» на втором этаже есть отличный отдельчик бижутерии в стиле Сваровски, только еще лучше! Алёна мигом собралась, прикинула время – вполне

можно успеть сбегать на шейпинг, потом поискать себе какую ни есть новенькую одежонку для выхода в свет – мероприятие для нашей героини отнюдь не частое! – и на возвратном пути зайти в «Шоколад» за подарком, – и выбежала из дому.

Первое, что она услышала, войдя в зал, был вопрос Анжелы:

– Ну что, нашли свой браслет?

Ну вот, разве тут забудешь...

Хотела Алёна того или нет, но воспоминания об этой загадочной истории не шли из головы и изрядно отравляли удовольствие от любых занятий. Следовало смотреть на монитор, следить за тем, как правильно отводить в сторону ногу, чтобы на бедрах не образовывались ужасные «уши», а Алёна вместо этого (может, потому, что никаких «ушей» у нее отродясь не водилось нигде, кроме как на законном месте, в смысле на голове) оглядывалась, прикидывая, как мог свершиться странный и совершенно уму непостижимый обмен. Следовало смотреть на монитор, следить за тем, как правильно поднимать ногу назад, чтобы усиленно работали ягодичные мышцы, а Алёна вместо этого (может, потому, что с означенной частью тела у нее тоже было все вполне очаровательно) косилась на лица женщин, которые махали ногами и руками, неотрывно глядя на мониторы. Неужели кто-то из них?..

В общем, сказка про белого бычка. Она была бы, возмож-

но, даже забавной, если бы не гибель ювелира. В какие же игры заигрался симпатичный парень? Данила говорил что-то о каких-то золотых побрякушках. Может быть, левый товар мастырили, а потом пускали в продажу? Скорее всего, так и есть. «Золотые побрякушки» – это, наверное, какие-нибудь цепочки, серьги, браслеты...

Браслеты! Ну снова, хочешь не хочешь, а думается: зачем, зачем, зачем был подменен Алёнин браслет? И ведь им занимался погибший ювелир... Правда, смастырить там ничего было просто невозможно, кому надо латунь подделывать, однако...

Просто совершенно ничего не шло в голову, никакой догадки, кроме того, что жил на свете маньяк, собиратель «волосатиков», и до того мечтал иметь в своей коллекции камень с золотистыми волосами Венеры, что в лепешку разбился ради того, чтобы заменить его на бороду Магомета.

Всякое бывает. Вообще тут много о чем было подумать... и Алёна думала, думала...

Внезапно какой-то ужасный звук, воющий и скрежещущий, раздался над ухом. Алёна вздрогнула, замерла, прижав к груди сумку... изумилась, почему у нее в руках сумка, когда идет тренировка, и обнаружила, что находится уже не в спортзале, а на улице, а точнее, в центре проезжей части одной из самых шумных и буйных магистралей: Большой Покровской, но не той части, которая проходила по историческому центру города и была непроезжей, а той, что выше

площади Горького и изрезана четырехполосным трафиком. И вот сейчас этот непростой трафик замер, чтобы писательница-детективщица Алёна Дмитриева не лишилась жизни в дорожно-транспортном происшествии. Ужасные звуки были не чем иным, как визгом тормозов и ревом клаксонов, которыми водители прокомментировали ее гениальную рассеянность.

Ведь получилось что? Она, балда такая, настолько утонула в своих мыслях, что даже не заметила, как закончилось занятие, как она переоделась (не забыв, заметьте, надеть часы и пресловутый браслет с бородой Магомета!), вышла из шейпинг-зала и направила свои стопы, куда глаза глядят... вернее, ничего перед собой не видя, повинуясь, наверное, инстинкту, который ведет в темноте птиц... если птицы вообще летают по ночам, конечно. Ну и куда же привел ее этот самый инстинкт?

Алёна поскорей добралась до тротуара и попыталась сориентироваться во времени и в пространстве. Если со временем дело обстояло еще так-сяк (после окончания тренировки минуло каких-то десять минут), то насчет пространства все не выглядело так уж благостно. Оказывается, Алёна сейчас стояла на перекрестке улиц Большой Покровской и Крупской (ну да, а как же обойтись в Нижнем Горьком без Надежды Константиновны!), а впереди, на расстоянии небольшого квартала, простиралась улица Арзамасская.

«Я, в общем, адреса точно не знаю, но это почти как раз

на пересечении Арзамасской и Крупской. Там напротив перекрестка тропинка между домами, как бы к Ильинке ведет. Проедешь во дворы – ну и второй дом налево, главная примета – чердачное окошко досками перезаколочено, первый этаж», – вдруг вспомнилось ей.

Батюшки-светы! Это место, которое Константин описывал Даниле в магазине. Ну а Алёна Дмитриева здесь зачем? Какая неведомая сила привела ее сюда? Может, та штука, которая называется интуицией и которая у нашей героини сверх неприличия развита? Правда, срабатывает она порой весьма некстати, вот как сейчас, например. Притащиться к заброшенным улицам, заваленным просевшими, неудобными сугробами, к этим скопищам старых-престарых домишек, до которых еще не добралась вездесущая рука городских бизнесменов, делающих колоссальные деньги на строительстве, – притащиться, даже не ведая, по какой причине...

Ну ладно, раз уж пришла, надо ситуацией воспользоваться. Времени до вечеринки вагон и маленькая тележка, чтобы и здесь прогуляться, и в магазины зайти.

Алёна «прогулялась» по тропинке, о которой говорил Константин. Это оказалась вовсе даже не просто тропинка, а, как явствовало из единственной таблички, переулок Клитчоглоу. Кто такой этот Клитчоглоу, чем знаменит, почему в честь него понадобилось называть переулок, да еще такой крохотулечный, Алёна не имела ни малейшего представления, да и не слишком была этим озабочена. Может, очеред-

ной пламенный революционер, а может, и нет.

Она с особым вниманием поглядела на второй дом налево, с забитым чердачным окошком. Именно на нем, кстати, и висела табличка с названием. Дом как дом, под стать собратьям своим, утонувшим в дворовых сугробах, столь же мифологической, почти нереальной вышины, как и уличные. Из сугробов торчали невзрачные сараюшки и бесколесный, с выбитыми окнами «пазик». Сиденья его были завалены снегом – так же, впрочем, как и крыши домов, и навесы над дверьми и над входами в подвалы. Конец зимы – картина вообще не вдохновляющая, особенно в серый денек, особенно когда ветерок пробирает, но здесь, в этом не то городском, не то деревенском уголке, носившем на себе отчетливое клеймо бытовой заброшенности и общей социальной усталости, совсем уж уныло. Неудивительно, что Алёна поспешила уйти восвояси, пока не промочила ноги. А шанс такой имелся – то и дело она съезжала с наскольженной тропинки в рыхлые предвесенние сугробы и проваливалась в них чуть не по колени, а однажды едва не угодила ногой в низенькое, почти утонувшее в снегу окошко: виднелась только верхняя его часть. Недовольно колыхнулась грязно-белая, в тон сугробам, занавеска, прикрывавшая окно до половины – и в этой, с позволения сказать, хорошине кто-то обитал! – но Алёна успела смыться прежде, чем занавеска отдернулась и появилась физиономия возмущенного хозяина. Можно себе вообразить, каким лексическим запасом он будет оперировать –

в таких-то декорациях! Да, если вспомнить женщину, о которой говорил Константин, надо быть в самом деле очень скупой, патологически, чтобы обитать здесь, имея хорошую квартиру в хорошем районе. Тут все не просто заброшенное, но даже какое-то криминальное... хотя можно представить, как великолепно цветут в мае эти старые, покривившиеся груши и яблони да эта полуобломанная сирень (сирень, как известно, чем сильнее ломаешь, тем это ей больше на пользу), как щедро вьется летом по серым щербатым заборам хмель и какие невероятные золотые шары и космеи буйно желтеют и розовеют там и сям, притулившись к полинялым дощатым стенам!

Космея – любимейший цветок писательницы Дмитриевой, и, вспомнив это, она устыдила себя за чистоплюйскую рафинированность: ведь ее детство прошло именно в таких двориках, и росла она почти что в таком доме, как этот, с проржавевшей трубой, заколоченным чердаком и неприветливым оконцем в полуподвале. И точно так же прислонялась к стене дома огромная, высоченная береза... Так что все на свете относительно, подумала Алёна и выбралась наконец на тротуар, где смогла вытряхнуть снег из ботинок, а потом пошла дальше, так и не поняв, зачем, собственно, шарахалась по сугробам и что в них хотела найти. То, что Данила и его покойный брат ввязались в дурную, опасную историю, понятно было и без экскурсии по переулочку между Арзамасской и Ильинской улицами!

Конечно, все это вполне тянуло на сюжетные ходы для будущего романа, и Алёна потихоньку начала их придумывать, пока шла к трамвайной остановке. Хотя о левой торговлишке золотишком и о левой же его добыче не писал в отечественной литературе только ленивый, начиная с господина Мамина-Сибиряка. Ну и борзые перья детективщиков не миновали эту тему. Так что... может, лучше про что-нибудь другое написать, а, Алёна Дмитриева?

Всю дорогу, пока трамвай вез ее по Ильинке, потом по Пискунова, потом по Большой Печерской, а потом по улице Белинского к торговому центру «Шоколад», Алёна пыталась придумать это самое другое, иной сюжет. И даже что-то такое начало наклеиваться в бурной реке ее фантазии... но немедля сорвалось с крючка, а говоря попросту, мгновенно вылетело у нашей писательницы из головы, чуть только она вошла в «Шоколад» и занялась священным делом шопинга.

На самом деле это занятие наша героиня терпеть не могла. В этом смысле – да и во многих других – она была нетипичной женщиной. Покупала лишь то, что было четко нужно: туфли – значит, туфли, платье – значит, платье, бижутерию – значит, бижутерию. Правда, бижутерию она покупала и непланово, без необходимости: это было проверенное средство улучшения настроения, причем неважно, себе или в подарок, вот как сейчас. В проверенном отделчике на втором этаже «Шоколада», где раньше не единожды приобретались и серьги, и браслеты, и красивейшие заколки (он на-

зывался «Бижу»), Алёна отыскиала для Зои несусветной красоты черно-зеленый плоский кулон на черной же плоской цепочке, на миг пожалела, что он один такой (здесь все было уникальное, в единственном экземпляре), но тут же подумала, что для любимой подруги ничего не жалко, пусть единолично украшает себя, – и отправилась за платьем для себя. Хотя платья имели место быть во множестве бутиков «Шоколада», Алёна шла конкретно в «Имидж», где продавалась очень хорошая, хотя и довольно дорогая французская одежда. Да-да, именно французская! И ей, частой посетительнице Парижа, удавалось покупать в «Шоколаде» вещи, которые не попадались на глаза в столице Франции. Штука в том, что в парижских магазинах слишком большой выбор, глаза разбегаются... а здесь вещи собраны все вместе – и как-то очень удачно.

Сказать по правде, раньше Алёна была убеждена, что эти «французские модели» шьются в Одессе, на Малой Арнаутской улице, или, может, в подмосковной Малаховке, или в каком-то подобном средоточии «французских фирм». И пальто – то самое, которое носила сейчас, коричневое такое, типа тонкой, очень легкой дубленочки с капюшончиком, – она хоть и купила за исключительную красоту, но насчет «made in France» очень сильно сомневалась – до той самой минуты, пока не увидела дамочку в точно таком же, один в один, пальтеце, переходящей бульвар Осман аккурат в том месте, где он соединялся с бульваром Итальянцев

в столь любимой Алёной столице Франции. Строго говоря, каждая женщина, которая встретит другую в такой же одежде, как ее, вынуждена брать пример с Джини Лоллобриджиды и Элизабет Тейлор, которые оказались в аналогичной ситуации давным-давно, в Кремле, на приеме у Хрущева, и делать хорошую мину при плохой игре, но Алёна никакую такую мину не делала, а хохотала от души, привлекая к себе внимание улыбчивых французских мужчин, всегда готовых разделить с красивой женщиной смех, разговор, обед, танго, прогулку и постель. И с тех пор она свято верила, что в «Имидже» собраны вещи самые что ни на есть французские, а потому ничтоже сумняшеся выложила восемьдесят евро (в рублевом эквиваленте, конечно) за маленькое черненькое трикотажное платьице с воротником-стойкой и длинными рукавами, скромное, почти смиренное, но так очаровательно подчеркивающее все неоспоримые выпуклости и вогнутости фигуры нашей героини, что это смирение было паче гордости. Правда, оно было коротеньким, много выше колена, из тех, которые теперь носят или с лосинами, или с узенькими брючками. И то, и другое в гардеробе Алёны имелось. Однако ей показалось, что суровая простота платья требовала также и некоего украшения, чего-нибудь вроде длинных бус или эффектного ремня. Длинные бусы в коллекции Алёных украшений отсутствовали, однако она видела подходящую нитку искусственного черного жемчуга в отделе бижутерии, где давеча был приобретен подарочный кулон, а по-

тому напрямиком направилась туда. Она купила бусы – и заметила браслет из точно таких же жемчужин. Вздела его на запястье, чтобы примерить, и тут продавщица сказала:

– Ну надо же, только что здесь была женщина с точно таким же браслетиком! Скажите, пожалуйста, где они продаются, я бы тоже такой купила.

– В «Клеопатре» на площади Горького, – автоматически ответила Алёна, кладя на прилавок жемчужины. – Но знаете, говорят, там было всего два таких: один купила я, а другой...

– А другой, значит, та женщина, – понимающе кивнула продавщица, и только тут до Алёны дошло, о чем вообще речь идет. Получалось, что продавщица только что видела даму, которая подменила пресловутый браслет! И носит его, имеет такую наглость!

С другой стороны, зачем еще меняла, как не для того, чтобы носить?

Нет, неужели удалось-таки напасть на след?!

– Какая она из себя? – отрывисто спросила Алёна. – Куда пошла?

Видимо, очень уж она на этот след ретиво напала – девушка даже струхнула слегка и дрогнувшим голосом спросила:

– А вам зачем?..

Алёна мигом приняла самый миролюбивый вид.

– Ужасно глупая произошла история, – сказала она с очаровательным смешком. – Я хожу в шейпинг-зал, и вот однажды там в раздевалке или в душе мне каким-то образом

заменяли браслет. Нечаянно, конечно, я понимаю. У меня раньше вот этот «волосатик» был без черного пятнышка, а теперь с черным. Ну и мне хотелось бы свой вернуть, только я никак не могла ту женщину найти, а теперь, кажется...

— Я тоже в шейпинг-зал хожу, — сказала девушка. — На улице Горького, знаете, где бывшая фабрика «Восток». А вы в какой?

— На Воровского, — ответила Алёна. — Неподалеку от Среднего рынка.

— А, я туда разик заглянула, но там какой-то зальчик тесный, да и вообще, питерская программа мне не нравится. Но не о том речь. Не понимаю, как можно было нечаянно поменять браслеты, если у них камни разные, — мигом обнаружила продавщица самую серьезную прореху в Алёниной версии, и наша героиня сочла уже, что все потеряно, однако девушка сказала: — Наверняка она нарочно их подменила, вот свинство, да? Конечно, идите за ней скорей, может, удастся заставить вернуть! Вон она стоит. Видите? Вон, под эскалатором. В коричневую куртку одета, а рядом с ней молодой человек в пальтушке в «дрипочку».

Алёна глянула восхищенно. Она обожала всякие такие словечки, но найти в наше время человека, который употребляет для пестрых вещей название «в дрипочку» — это практически нереально, и при том говорит не «в пальто», а «в пальтушке»! А тут... самая обыкновенная девица, волосы длинные, белые, сама востроносенькая такая, глазки голу-

бенькие, на бейджике имя: «Сюзанна...» Блондинка до мозга костей, как сказала бы великая Агата Кристи, и, казалось бы, словарный запас у этой Сюзанны должен быть не больше, чем у людоедки Элочки. А поди ж ты!

Будь у Алёны время, она непременно поговорила бы с девушкой: вдруг она еще что-нибудь этакое скажет, – но сейчас счет шел на секунды, а потому Алёна только шепнула: «Спасибо огромное!» – улыбнулась признательно и побежала к эскалатору.

Женщину в коричневой куртке она увидела сразу. Высокая, темноволосая, лет сорока пяти, может, чуть больше. Выражение смугловатого скуластого лица было таким озабоченно-неприятным, а губы, быстро произносившие слова, так зло кривились, что ее можно было бы принять за мамашу, которая делает выговор сыну-двоечнику, тем паче что «молодой человек в пальтушке в дрипочку» по возрасту явно годился ей в сыновья и вид имел самый виноватый. Алёна сначала глянула на него лишь мельком, но тут же посмотрела внимательней. Да ведь это не кто иной, как менеджер из «Видео» Константин!

А он тут каким боком?! Ну ладно, мир тесен до безобразия, это общеизвестно. Константин Алёну вообще не интересуется. Главное – его собеседница. Как быть-то? Подойти и попросить: «Дама, позвольте взглянуть на ваш браслетик, а то есть подозрение, что вы мой стырили, а свой подкинули!» Радикально, но неконструктивно. Сама Алёна на такой

вопрос только плечами пожала бы и ушла восвояси. Нужно поступить как-то неожиданно... что-то такое сделать, чтобы спровоцировать замешательство этой воришки...

Ага!

Алёна скользнула пальцами по запястью, нащупала застежку своего браслета и с самым деловым видом направилась вперед. Проходя мимо дамы в коричневой куртке, Алёна слегка тряхнула рукой, и браслет послушно соскользнул вниз и упал как раз между дамой и Константином.

– Ой! – воскликнула Алёна. – Кошмар, да что же это он все время спадает? Просто беда. Надо бы его к ювелиру отнести, пусть бы уменьшил.

Она молотила что в голову взбредет, а сама в это время не сводила глаз с женщины. И что же?! Ничего! В ней, как выразился бы некто Пушкин, даже бровь не шевельнулась, не сжала даже губ она! То есть лицо ее осталось совершенно равнодушным, она лишь мельком глянула на браслет – и тут же снова уставилась на Константина.

Алёна немедленно почувствовала себя невероятно глупо. Махнула, понимаешь, правым рукавом, как та Царевна-лягушка, но вышло никакое не озеро, а натуральный семипудовый пшик.

Пришлось нагнуться, поднять браслет и, бросив еще один испытующий взгляд на даму (столь же нерезультативный, как первый), пойти прочь. И неведомо, чем бы кончилась описываемая нами история, как развивались бы события

дальше, кабы Алёна не оглянулась еще раз и не увидела лица менеджера Константина, который смотрел ей вслед с откровенным ужасом. Впрочем, встретившись с Алёной глазами, он тут же зевнул с деланным равнодушием, однако впечатление складывалось такое, будто парень подавился собственным страхом.

Алёна сделала вид, будто ничего не заметила, однако вместо того, чтобы пойти к выходу из магазина, как собиралась сначала, она плавно свернула в отдел, который занимала благоухающая на все лады «L'@Й@toile», и сделала вид, что ее ничто не интересуется, кроме полок, которые занимала продукция «Barberry Weekend». Сделать такой вид ей было ничуть не трудно, поскольку духи эти – ее любимые. Покосившись на даму и Константина, она увидела, что они продолжают разговор, и выскользнула из магазина через другую дверь. Здесь Алёна остановилась под прикрытием стойки, за которой невероятно длинноногая девица в зеленой форме, покачиваясь на невероятно высоких каблуках, вернее, каблучищах, раздавала всем желающим – а преимущественно нежелающим! – флаеры какой-то туристической фирмы.

Алёна выдернула из кармашка сумки мобильный телефон и быстро сфотографировала странную пару. Услышав щелчок камеры, рекламная девица так вздрогнула, что чуть не свалилась со своих невообразимых каблучищ, поэтому Алёне пришлось поддержать ее под руку, а чтобы хоть как-то компенсировать стресс, она выхватила из ее рук сразу

несколько флаеров – и была такова.

Выбежав из дверей «Шоколада», Алёна быстро перешла на другую сторону улицы Белинского и свернула во дворы красных кирпичных многоэтажек. Здесь она остановилась и посмотрела на снимок. Константин оказался запечатлен как-то односторонне – в том смысле, что стоял к Алёне в профиль. Но он мало интересовал нашу героиню. А интересовала ее дама в куртке, и лицо той, по счастью, получилось очень хорошо.

Алёна удовлетворенно кивнула. Если отпечатать снимок и показать в шейпинг-зале, кто-нибудь из тренеров эту особу непременно вспомнит. На тренировку невозможно попасть, не оставив своих паспортных данных администратору. Узнав их, Алёна найдет эту особу, предъявит ей браслет и спросит наконец, зачем он ей понадобился. А также потребует обмена ценностями, чтобы восстановить, так сказать, историческую справедливость.

И еще какая-то мысль мелькнула... что-то связанное с этим выражением ужаса на лице Константина... но тут Алёна случайно взглянула на часы и обнаружила, что уже шесть. А ей нужно еще голову вымыть, собраться, накраситься и доехать до «Зер-гута»! И цветы, не забыть про цветы!

Все, теперь не до расследований и дознаний. Пора бегом бежать!

И она в самом деле побежала домой, ни о чем больше не думая, кроме как о заботах нынешнего вечера, ибо довлеет дневи злоба его... ну и, само собой, не заметила человека,

который, сначала таясь, а потом открыто, даже нагло пошел за ней до самого дома и посмотрел, в какой подъезд вошла наша рассеянная героиня...

Единственное, чего он не мог узнать, — это номер квартиры Алёны, однако внимательным взглядом он засек, в каком окне вспыхнул свет вскоре после того, как она вошла в подъезд. Может быть, это была ее квартира, может быть, нет, но человек не сомневался, что выяснит это доподлинно, и очень скоро.

Вслед за этим он вышел из двора и отправился своим путем.

Дела давно минувших дней

– Господи Боже! – вскричал я, как громом пораженный. – Какой же это ужас...

– Конечно, – грустно кивнула Эльвира Михайловна. – Особенно потому, что ни девушка, ни ее возлюбленный не знали, кто они. Согрешили по неведению.

– Как же это может быть? – недоверчиво спросил я. – Петрозаводск – небольшой город, можно сказать, городишко, здесь все друг друга знают...

– Да вот так вышло, – объяснила Эльвира Михайловна. – Раймо Турккила – крестник матушки Паисилинна, у которой вы сняли комнату. У его отца была большая семья, и после того, как дети осиротели, потеряв обоих родителей разом, их раздали в другие семьи. Кого-то, в основном мальчиков, взяли близкие и дальние родственники, а двух крошечных девочек удочерили богатые и бездетные люди из Гельсингфорса. Раймо вырос в деревне, а потом, уже повзрослев, переехал к матушке Паисилинна и нанялся на работу к брату своей покойной матери, своему дяде, – Яаскеляйнену. Девочками были Синикки и ее младшая сестра. Им дали другую фамилию – Илка. Они больше не виделись со здешней родней. Сначала все шло хорошо, но год назад госпожа Илка и младшая девочка умерли, и Синикки осталась на попечении приемного отца. К несчастью, он оказался порочным

человеком и воспылал к девушке нечистыми чувствами. Она и на мой женский взгляд весьма хороша, – грустно сказала Эльвира Михайловна, – а мужчины перед такими и вовсе не могут устоять. Даже если девушка ведет себя прилично и скромно, мужчины этому не верят и пытаются вовлечь ее во грех. Ханжи говорят, что на таких девушках лежит проклятье, они сами виновны в своей судьбе. Но Синикки воспротивилась и однажды тайно бежала из Гельсингфорса. У нее было немного денег, оставленных ей покойной госпожой Илкка, и она кое-как, на перекладных, добралась до Петрозаводска. Первым делом отправилась к госпоже Паисилинна. На беду, та уехала навестить заболевшую сестру в ближнее село. Раймо же парень непутевый, хоть и красивый, ударился в загул. Сутками пьянствовал невесть где, бросив дом, а потом являлся и отсыпался, не обращая внимания на то, что дверь нараспашку. Вот в такую минуту в дом и вошла Синикки. Увидав, какой беспорядок царит кругом, она принялась наводить чистоту, изредка поглядывая на спящего. Догадывалась ли она, что это ее родной брат? Думаю, нет. Она знала, что Раймо живет где-то в деревне... В это время проснулся Раймо. Повторяю, он необыкновенно хорош собой, сущий Леминкайнен или Куллерво из «Калевалы». «Калевала» – это свод прекрасных сказаний, – пояснила Эльвира Михайловна. – Я в восторге от них... Кроме того, Синикка пошла внешностью в отца, а Раймо – в мать, он темноволосый и темноглазый. Они совершенно непохожи друг на дру-

га. Итак, Раймо проснулся, увидел красавицу, которая мыла пол, и решил, что это служанка его тетки. Он спросил, как ее зовут. «Синикка Илкка», – ответила она. Раймо совершенно забыл о существовании сестры, а новой ее фамилии не знал. Он поддался чарам Синикки, а она поддалась его чарам. Они согрешили... и только потом, начав расспрашивать друг друга о семьях, поняли, что они брат и сестра.

– Какая трагическая история! – сказал я. – И что же было с ними дальше? Герои романа ушли бы в монастырь, узнав правду! Или покончили бы с собой.

– В «Калевале» они поступили именно так, – кивнула Эльвира Михайловна. – Там есть один трагический герой – Куллеро, сын Калерво. Он соблазнил сестру, не зная, кто она... девушка утопилась сразу, а он через некоторое время, отмстив своим врагам, покончил с собой на том же месте, где совершилось его грехопадение.

Он пришел к тому лесочку,
На ужасное то место,
Где он деву опозорил,
Обесчестил дочь родимой.
Калервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
Рукояткой меч втыкает,
Глубоко вонзает в землю,
Острие на грудь направил,
Сам на меч он повалился,

Поспешил навстречу смерти
И нашел свою кончину.
Так скончался этот юный,
Куллерво погиб бесстрашный,
Такова кончина мужа,
Смерть несчастного героя³.

Я в изумлении уставился на свою спутницу:

– Вы так хорошо знаете эти местные сказки, что читаете их наизусть?!

– Это не просто сказки – это величественный эпос, на мой взгляд, не менее значительный, чем сказания «Эдды» или «Одиссея». Просто в «Калевале» больше внимания уделено обычным людям, а не божествам, от этого он и кажется приземленным и простым людям несведущим. Они ведь и русские сказки презирают оттого, что в них речь идет об Иванах-царевичах и даже об Иванушках-дурачках, а не о каком-нибудь там Чернобоге, Белбоге или Моране!

– А кто такие Чернобог, Белбог и Морана? – наивно спросил я.

– Древние славянские божества, – чуть усмехнувшись, ответила Эльвира Михайловна, и я почувствовал себя полным невеждой... я ведь если и знал о Троянской войне, то лишь благодаря оперетке Оффенбаха «Прекрасная Елена», а об античных богах лишь понаслышке, что же говорить о сла-

³ Здесь и далее стихи «Калевалы» даются в обработке Элиаса Лённрота, перевод Л.П. Бельского.

вянских?!

Эльвира Михайловна мгновенно ощутила мое смущение и перевела разговор:

– Впрочем, я отвлеклась и не рассказала вам, что было дальше с Раймо и Синикки. Вернулась госпожа Паисилина – и разразился ужасный скандал. Однако во всем винили бедняжку Синикки. Раймо с помощью крестной и своего дяди Яаскеляйнена уехал в Петербург, нашел там работу. А Синикки осталась. В Гельсингфорс она не могла вернуться – боялась своего приемного отца. Сняла жилье на окраине, у спившейся старухи, и в положенное время родила сына. Благодаря тому, что у нее еще оставались деньги, она не пропадает с голоду, но сейчас ребенок болен, и ни один из финских врачей, фельдшеров или знахарей не хочет ей помочь. Она пошла к русским докторам, но и те отказали – думаю, просто потому, что несведущи в болезни. Мне кажется, у ребенка дифтерит, там нужна трахеотомия, и, если ее не сделать вовремя, дитя погибнет неминуемо. Леонтьевский – очень умелый доктор. Он сделает трахеотомию, и дитя будет спасено.

– Вы так хорошо обо всем знаете, даже и о медицине! – воскликнул я восхищенно.

– У меня был сын, который слишком поздно попал в умелые руки Леонтьевского, – после паузы тихо сказала Эльвира Михайловна. – Он сделал трахеотомию, но ребенок уже не мог бороться со смертью... Меня успокаивали, а один здеш-

ний знахарь, старый лапландец – один из жителей Похьёлы, – чуть заметно улыбнулась она, – даже уверял, что грех вырывать из лап смерти обреченных, что, выжив, они невольно несут на себе отпечаток зла и причиняют зло людям... Это было десять лет назад, но это горе невозможно забыть. Я буду счастлива, если ребенок Синикки останется жив благодаря моим стараниям. Умоляю вас только об одном – молчите о моем горе. Об этом не знает никто, кроме вас. Я доверилась вам – не обманите же моего доверия.

Я смотрел на нее, как на божество, плача ее слезами... откуда нам с ней было знать, что в словах старого лапландца крылось зерно смертоносной истины?!

Наши дни

Зоя оказалась некоторым образом права, когда сказала, что мясо будут готовить буквально на глазах посетителей ресторана. Тот столик, за которым сидели ее гости, был втиснут между стенкой и кухней – открытой кухней с открытыми печами, на которых непрестанно готовилось мясо, так что сухой жар просто выжигал чувствительные Алёнины глаза, и без того измученные экраном компьютера, на который она пялилась большую часть своего времени. Алёна немедля пожалела, что купила платье со стойкой и длинным рукавом. В такой горячей обстановке больше подошел бы невесомый топик со столь же невесомой юбкой. Чтобы несколько охладиться, приходилось пить как можно больше холодного, чудесного розового вина, которое самым приятнейшим образом напомнило Алёне, как она однажды выпила вот такого же чудесного вина во французской деревушке, и это потянуло за собой совершенно невероятные приключения, из которых она, конечно, выпуталась с обычным блеском, да еще и преступление, совершенное в старинном шато, мимоходом распутала...⁴

⁴ Об этом можно прочесть в романе Елены Арсеньевой «Фигурки страсти», издательство «ЭКСМО».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.